

авантюрная
мелодрама

ЛУЧШАЯ НЕДЕЛЯ ЕЕ ЖИЗНИ
ЗАВЕРШИЛАСЬ КАТАСТРОФой...

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

БИЗНЕС-ЛАНЧ
У МИНОТАВРА

Антон Валерьевич Леонтьев

Бизнес-ланч у Минотавра

Серия «Авантюрная мелодрама»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56442304

Бизнес-ланч у Минотавра: Эксмо; М.; 2020

ISBN 978-5-04-113610-9

Аннотация

Перед самым выпускным на Леру Кукушкину обрушилось огромное горе: ее отца задержали по подозрению в жутких преступлениях – якобы он и есть тот самый маньяк, которого боялся весь их небольшой провинциальный городок. Не выдержав такой новости, бабушка попала в больницу с инфарктом и вскоре умерла. А отец повесился в СИЗО, тем самым как бы признав свою вину. Лера подозревала, что во многих бедах виновата именно она, ведь, поддавшись эмоциям, она сама навела полицию на отца. Теперь весь город ополчился на девушку, и жить дальше ей придется с клеймом «дочка маньяка»... Или в ее силах все изменить? Конечно, родных не вернуть, но она может восстановить их доброе имя и найти настоящего преступника!

Антон Валерьевич Леонтьев

Бизнес-ланч у Минотавра

© Леонтьев А.В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

*«В несчастье судьба всегда оставляет дверцу
для выхода...»*

Мигель Сервантес

Самая лучшая неделя ее жизни, начавшаяся столь упорно, завершилась абсолютной катастрофой, навсегда перевернувшей ее жизнь...

* * *

Проснувшись в тот приснопамятный понедельник середины июня, Лера Кукушкина, выпускница средней школы № 14, потянувшись и сладко зевнув, даже не посмотрела на часы и, чувствуя истому во всем теле, повернулась на другой бок. Однако заснуть так и не удалось – и почему так: экзаме-

ны позади (хотя одни-то, выпускные в школе, действительно *позади*, но ведь другие, вступительные в вуз, еще *впереди*, но думать об этом не хотелось), в воскресенье – школьный выпускной, и целая неделя без стресса и волнений в предвкушении этого великолепного дня.

Хоть она ненадолго и задремала, но снова провалиться в долгий сон не вышло, поэтому девушка, решительно откинув простыню (температуры на улице давно стояли летние, и одеяла, даже легкие, давно были спрятаны заботливой бабушкой на антресолях), еще с закрытыми глазами, прошлепала к двери.

Отворив ее, Лера ощутила ароматный запах оладушек – ну, конечно же, бабушка уже испекла их на завтрак! Хотя бабушка и знала, что внучка в последнее время буквально помешалась на различного рода диетах и здоровом питании, однако и слышать не хотела, что оладушки к этому самому *здоровому питанию* не относятся.

А Лера, выйдя из своей комнаты на кухню, чмокнула сидевшую на табуретке и читавшую газету, помешивая в большой старинной фарфоровой чашке с золотым ободком свой накрепчайший и наисладчайший чай, седую, но удивительно моложавую бабушку, в честь которой и получила свое имя, и, плюхнувшись на другую табуретку, накрытую вышитой подушкой, Лера произнесла:

– Бабулечка, ты же оладушки испекла?

Бабушка, бросив на нее строгий взгляд из-под очков и

быстро перелистнув страницу газеты, произнесла:

– Валерия, во-первый, *доброе утро!*

Покраснев, Лера пробормотала ритуальное утреннее приветствие, без которого, как считала бабушка, не мог начаться ни один день, а бабушка, чуть смягчившись, продолжила.

– А во-вторых, почему ты босиком ходишь? Сколько раз тебе говорила, чтобы тапочки надевала! Еще простуду подхватишь!

Ну да, *говорила!* Раз десять тысяч, а то и все *сто!* Но внучка пошла в бабушку не только своим именем, но и характером – и уж если что-то делала или, наоборот, решала что-то *не* делать, то оставалась при своем мнении.

– Бабулечка, какая простуда?! На дворе июнь, двадцать три градуса с утра, а днем вообще раскочегарится.

Лера, заметив скупую бабушкину улыбку, прекрасно понимала, что та вовсе не сердится на нее и что все эти замечания и семейные диалоги являются незыблемой традицией их пусть и небольшой (после трагической смерти мамы около трех лет назад), но дружной семьи Кукушкиных.

Такой же незыблемой, как и читающая свежую городскую прессу бабушка, попивавшая накрепчайший и наисладчайший чай из старинной чашки с золотым ободком. Как и бабушкины вкуснющие оладушки. Как и замечания о тапочках и о вреде хождения босиком по полу.

– А в-третьих? – спросила лукаво внучка, и бабушка, отложив в сторону газету, чинно отпила из чашки и произнес-

ла:

– Что значит «*в-третьих*», Валерия?

Полным именем называла ее только бабушка, не признававшая никаких таких уменьшительно-ласкательных вариантов. Для папы же она была *Лерочкой*. Для одноклассников и друзей: *Лерой*. А для особо близких одноклассников в друзьях – *Лерусиком*.

Но только не для бабушки, которую Лера очень любила, хотя немного и побаивалась.

– Ну, бабулечка, если ты сказала *во-первых* и *во-вторых*, то, зная тебя, могу исходить из того, что имеется еще и *в-третьих*!

Вздохнув, бабушка пододвинула внучке тарелку с ароматными, еще горячими оладьями.

– Сначала позавтракай! И не пытайся мне заявлять, что мои оладьи какие-то не такие! Вот поступишь в университет, уедешь в другой город, может, даже в Москву, тогда и сама решай, что на завтрак есть будешь. А пока ты тут живешь, придется питаться моими оладьями!

Лера, схватив сразу два оладушка, со смехом ответила:

– Бабулечка, и как же я без них проживу? Отощаю же! С лица спаду! *Непорядок*!

Бабушка, которая в свои семьдесят два года была далеко не старушка, а следившая за собой женщина в самом расцвете сил, ответила:

– И не надо полагать, что старшие глупее вас, молодежи,

Валерия! Так что кушай!

Она заботливо налила внучке чай и пододвинула блюдечко с вишневым джемом.

Вздыхнув, Лера принялась жевать оладьи всухомятку, да и сахара в чай не положила. Ну да, ведь как быстро время летит! Еще несколько недель, и все, она, вероятно, навсегда уедет из родного города. Будет учиться в другом месте, быть может, никогда сюда больше не вернется...

Как же ей будет не хватать бабушкиных оладушек!

* * *

Продолжая завтракать, Лера искоса поглядывала на городскую газету, которую читала бабушка, когда она вошла на кухню. От нее не ускользнул ни броский заголовок статьи, которую просматривала родственница, ни то, как быстро она перевернула страницу.

И это могло означать только *одно*.

– Что, *опять*? – спросила Лера, и бабушка, вздохнув, отпила из своей чашки с золотым ободком и ответила:

– Это уже третья – за два месяца!

Лера тоже вздохнула, и в ее сердце закрался страх – но только на несколько мгновений. Думать о смерти не хотелось. А ведь получается, что снова кто-то умер: точнее, кто-то *был убит*! Не исключено даже, что тот, кого она знала.

За последние два месяца в их городе были найдены две

убитые девушки, причем одна были ученицей из параллельного с Лерой выпускного класса! Другая – из соседней школы, тоже из выпускного. Кто-то *зверски* изуродовал их ножом.

Падкая на сенсации местная желтая пресса сразу завела речь о том, что в их городе появился *серийный убийца*. Власти все отрицали, заявляли, что между обеими смертями никакой связи нет и что все дело в разгуле бандитизма, но им никто не верил.

И слухи множились, разрастались, обрастали все новыми, конечно же *кошмарными* подробностями.

– И кто на этот раз? – спросила тихо девушка, протянув руку за газетой, и бабушка, опять вздохнув, передала ее внучке.

Неужели в самом деле кто-то, *кого она знает*?

Быстро пробежав статью глазами, Лера почувствовала, как у нее отлегло от сердца: нет, на этот раз не ученица, а молодая преподавательница из колледжа, находящегося в районе центрального ЗАГСА. Это, конечно же, было не лучше.

– Тебе бы хорошо поскорее уехать отсюда, *Лерочка!*

Девушка, едва не поперхнувшись, уставилась на бабушку. Неужели та назвала ее не полным именем? И не просто не полным, а уменьшительно-ласкательным. *Когда* такое было? Кажется, *никогда* еще...

– Бабулечка, ты что, избавиться от меня хочешь? – спросила Лера, и вдруг увидела, что по щекам бабушки текут сле-

зы.

Бабушка не плакала даже в тот ненастный осенний день, когда их настигла весть, что маму сбила машина и что она находится в реанимации городской больницы. И даже на похоронах мамы неделю спустя тоже не проронила ни слезинки, только скорбно поджала губы и смотрела куда-то в пустоту.

Бросившись к бабушке (и при этом задев ногой стол, да так, что чашка с остатками чая грохнулась на пол и разбилась), Лера, присев на корточки перед пожилой женщиной, обняла ее:

– Ну что такое, бабулечка...

Раньше бы бабушка непременно устроила бы ей знатную головомойку за разбитую чашку, но теперь, кажется, ничего не заметила.

Может, *действительно* не заметила?

Бабушка ничего не отвечала, но Лера и так понимала, в чем дело. Потеряв единственную дочку, бабушка теперь боялась больше всего на свете потерять и единственную внучку.

Лера поцеловала бабушку в щеку и произнесла:

– Ну, ничего ведь не произойдет! Его поймают. Их всех рано или поздно ловят.

А что, если поздно, а не рано? Ведь для кого-то *всегда* бывает поздно. Неужели для нее самой?

Бабушка, взяв себя в руки, заметила:

– Я говорила с твоим отцом, Валерия, и он пообещал мне,

что ты уедешь в Москву *сразу* после выпускного.

Оторопев, Лера уставилась на бабушку. Ну, раз опять *Валерия*, значит, все вернулось на круги своя.

И только потом осознала, что сказала бабушка. Выходит, они с папой уже все решили – причем *за нее* решили!

– Бабулечка, так не пойдет! Я ведь взрослый человек...

Бабушка перебила ее:

– *Пойдет!* И раз с нами живешь, Валерия, то никакая ты не взрослая!

Девушка, чувствуя подкатывавшую к горлу обиду, заявила:

– Ну, это, положим, скоро изменится. И вообще, я совершеннолетняя, мне восемнадцать, к твоему сведению, в мае исполнилось!

Бабушка вполне резонно ответила:

– Вот когда изменится, то тогда и будешь сама принимать самостоятельные решения. А пока решения принимаем мы с твоим отцом.

Ну да, скорее, даже не папа, человек мягкий и добродушный, матери своей покойной жены, которую обожал до безумия и чья трагическая смерть едва не свела его с ума, не просто побаивавшийся, как побаивалась ее Лера, а испытывавший перед ней трепет, а сама бабушка приняла это решение.

– В августе мне уж точно надо будет ехать в Москву, на учебу. Обустраиваться, вступать в новую жизнь...

Бабушка, на щеках которой все еще блестели слезы, отве-

тила:

– Вот можешь и начать обустраиваться и вступать в новую жизнь не в августе, после экзаменов, а в июне, *до!*

Лера, которой крайне не нравилось, что бабушка с отцом (точнее, *одна* бабушка) уже приняла окончательно решение, заявила:

– Но это же лишние расходы! Да еще какие! И где я буду жить в Москве? Как я там смогу готовиться к вступительным экзаменам! И вообще, как...

Она запнулась, чувствуя, что вот-вот расплчется, а бабушка произнесла:

– Жить будешь на первых порах у моей двоюродной сестры, Зои Андреевны, в Марьино. Валерия, это для твоего же блага. И ты не можешь этого не понимать!

– Но у меня здесь *друзья!* – запротестовала девушка.

Бабушка заявила:

– Летом им тоже будет не до тебя. Это не сколько последнее лето детства, Валерия, сколько первое лето взрослой жизни. Тебе пора думать о своем будущем!

– И вообще... – ответила девушка, умевшая быть такой же упрямой, как и ее бабушка, но та безапелляционно заявила:

– Не перечь. Откуда в тебе этот дух противоречия?! Все решено, едешь в следующий вторник. Я тебе уже и билет на московский скорый купила, нижняя, кстати, полка. Вот!

Приподняв клеенку на кухонном столе, бабушка продемонстрировала ей билет на поезд.

Ну надо же, они не только все за нее *решили*, но и билет *купили!*

– Никуда я не поеду! – заявила Лера, но бабушка была неумолима:

– Что значит *не поедешь?* Билет уже куплен, не пропадать же! Поедешь как миленькая!

Но Лера тоже умела быть упрямой – *вся в бабушку*.

– И пусть пропадает! Это исключительно ваши с отцом проблемы. Будет вам наука. Сказала, что не поеду, значит, *не поеду*.

Бабушка, строго взглянув на нее поверх очков, пожевала губами:

– И вообще, я уверена, что твоя мать хотела бы, чтобы ты поступила именно так!

Аргумент был в прямом смысле *убийственный*.

Чувствуя, что по щекам текут слезы, Лера воскликнула:

– Но вы не можете просто так... Нет, не вы, ты не можешь просто так решать все за меня! Мои друзья...

Ну да, *друзья*... Речь шла не о друзьях (и бабушка была права: все этим летом куда-то разъедутся, денутся, начнут строить новую жизнь), а об одном-единственном друге.

О *Толике*.

О том человеке, который ей недавно признался в любви – и которого она любила. Лера понимала, конечно, что им предстоит принять решение, но до этого было так далеко.

У них впереди, казалось, была куча времени, а теперь вы-

ясняется, что *всего лишь неделя!*

– Откуда ты знаешь, чего бы хотела мама?! – заявила в запале Лера.

Бабушка же ответила:

– Знаю, Валерия. Потому что я ее *мать*.

– А я ее *дочь!* И уверена, что она бы поняла меня. И не стала бы отсылать прочь так быстро. Всех этих девиц, конечно же, жаль, и тот, кто это сделал, подлинный зверь. Но я, в отличие от них, по ночам вдоль реки не шляюсь, а их ведь всех там нашли, не так ли?

Бабушка явно не намеревалась вести дискуссию, а Лера поняла: решение было принято *окончательно и бесповоротно*.

– Какая же ты все-таки... *бессердечная!* – вырвалось у девушки, и она сама испугалась того, что сказала. Бабушка же хотела ей только лучшего. Но весь вопрос в том, было ли то, что хотела бабушка, действительно для нее, своей единственной внучки, *лучшим?*

Заметив, как окаменело лицо бабушки, Лера поняла, что явно перегнула палку, и бросилась к ней, явно желая обнять и поцеловать, но тут послышалась мелодичная трель дверного звонка: кто-то пришел к ним в гости.

– Бабулечка, извини, я не хотела... Я вовсе не считаю, что ты бессердечная, просто вырвалось... Я понимаю, что ты хочешь как лучше... Но ведь я тоже взрослая... Ну, почти... ты должна понять, что...

Понимая, что своим несвязанным лепетом она все только усугубляет, Лера снова попыталась обнять бабушку, но та, явно обиженная ее словами, сделать ей этого не дала.

– Валерия, ты же слышишь, что в дверь позвонили!

Трель повторилась.

– *Будь добра*, открой!

Вздохнув и понимая, что ничего пока что изменить нельзя и что бабушка рассержена, Лера прошлепала в коридор и подошла к двери. Поворачивая торчавший в замке ключ, она вдруг испытала непонятное волнение.

Ведь в их провинциальном городе отродясь не было никаких серийных убийц и маньяков. Откуда же взялся тот, что убивал школьниц и учительниц?

И сделала то, что раньше никогда не делала: *посмотрела в дверной глазок*.

* * *

Она вовсе не ожидала увидеть на лестничной клетке маньяка (тем более, откуда она могла знать, как маньяк выглядит – вряд ли столь же смехотворно и опереточно, как в дурацких американских фильмах: с рукой, в которую была вмонтирована бензопила, и с невероятной формой головой, покрытой струпьям). Скорее всего, это обыкновенный, даже вполне себе заурядный человек, просто такой, который убивает других людей, не менее обыкновенных и заурядных.

Или нет?

Треель звонка прорезала тишину их квартиры (точнее, конечно же, *квартиры бабушки*) в третий раз.

Но на лестничной клетке она заметила не маньяка из трехразрядных фильмов ужасов и даже не заурядного незнакомого типа, который мог вполне оказаться *таковым*, а свою одноклассницу и приятельницу Лариску – в белом сарафане, желтой панаме и ярко-изумрудном шарфике.

Открыв дверь, Лера быстро произнесла:

– Привет! Давай через полчаса внизу встретимся...

Но с кухни раздался громкой голос бабушки:

– Валерия, разве я *так* тебя учила встречать гостей?

В итоге пришлось проводить Лариску на кухню, где та, беззастенчиво уплетая один за другими бабушкины оладьи, без умолку трещала то об одном, то о другом, то о третьем – трещать без умолку Лариска умела, как никто другой.

Лера отлично знала, что бабушка Лариску не особо-то жаловала, поэтому и не хотела обострять ситуацию, приглашая подругу на завтрак, однако в этот раз бабушка была крайне любезна и выслушивала потоки информации, изливавшейся из рта рыжеволосой тощей Лариски, с ангельским терпением.

Впрочем, как заметила Лера, при этом умело манипулируя тематикой беседы и переводя ее в интересовавшее ее русло.

А занимало бабушку все, что было связано с деяниями ма-

няка. Лариску же было хлебом (вернее, *бабушкиными оладьями*) не корми, дай только поведать последние сплетни:

– ...и это точно какой-то затюканный мужичонка! Ну да, его ищут! Кстати, Лерочка, у твоего же Толика и двоюродный брат, и его отец, дядька Толика, в прокуратуре работают. Отчего бы тебе Толика на откровенность не вызвать? Наверняка он много чего знает!

Лера поморщилась: упоминание Толика, из-за которого, собственно, и разгорелся весь сыр-бор, было в данный момент неуместным, но бабушка даже своей тонкой выщипанной бровью не повела.

– И вообще, все от недостатка секса! Вы уж поверьте моему опыту! Ну, я не в том смысле, что я прямо уж такой эксперт, я девушка честная и порядочная! Но у мужичонки этого наверняка властная жена, которая его затюкала до невозможности! А секса нет! Вот он и реализует свою разрушительную энергию на стороне! А *ты* как считаешь, Лерочка?

Лера быстро подложила говорливой непрошенной гостье на тарелку последние оладьи и невинным тоном спросила:

– А чай еще поставить?

Бабушка же заявила:

– Дельные вещи говоришь, Лариса. Поэтому Валерия сразу после выпускного уедет в Москву. Будет *там* готовиться к вступительным экзаменам.

Лариска активно закивала:

– Ну да, отличная идея! А что тут по городу шлаться,

ждать, пока маньяк на тебя нападет? Я вот нигде не шляюсь, но все равно ой как боюсь!

Понимая, что разговор с Лариской, пусть человеком осведомленным, но далеко не самым проницательным, все только ухудшит, Лера бросилась в ванную, чтобы привести себя в порядок, одеться и наконец-то удалиться с подругой из дому.

* * *

Мечась по квартире в поисках своей второй босоножки, а также пояса от желтого сарафана, девушка заглянула в родительскую спальню. После смерти жены отец спал исключительно на кушетке в кабинете, оставив в спальне все так, как было до того рокового осеннего дня.

Бросив мимолетный взор на огромную черно-белую фотографию молодой улыбающейся мамы, Лера отвела взор – и заметила, что ящик комода был не до конца прикрыт.

Спальней никто *с тех пор* не пользовался, даже белье и вещи хранились теперь в другом месте.

Подойдя к комоду, Лера попыталась закрыть ящик, но поняла, что мешает что-то, высовывавшееся сбоку. Она потянула ящик на себя и, тяжело вздохнув, увидела трусики и лифчики – принадлежавшие когда-то ее маме.

Часть вещей так никому и не раздали, отец не желал этого делать, да и бабушка не стала на этом настаивать. Вероятно, по негласному молчаливому пакту вдовца и матери погиб-

шей из спальни был организован своего рода мемориальный музей.

Застежка одного из лифчиков застряла в пазах ящика, поэтому-то он и не задвигался до конца. Вытащив лифчик, желая аккуратно сложить его и разместить на прежнем месте, Лера вдруг увидела, что из того что-то вывалилось.

Это была *небольшая коробочка*.

Машинально подняв ее, девушка повертела находку в руках, а потом вдруг поняла: эта коробочка никак не могла остаться со времен мамы, вещи с тех пор перебирали и укладывали. Значит, тут, в нижнем белье мамы, кто-то что-то *спрятал*.

Причем, судя по всему, спрятал *недавно*. Место было надежное: теперь к вещам мамы никто не прикасался, и тайник был идеальный.

Раздираемая любопытством, Лера открыла коробочку и едва сдержала вздох восхищения. Там, на бархатной подушечке лежало выпуклое, соединенное с массивной золотой цепочкой, золотое же сердечко, тускло посверкивавшее тремя достаточно большими, в виде звезды, камешками: синим, красным и зеленым.

И изящной воздушной буквой «Л». Ну конечно же, «Л» как «*Лера*»!

Вынув украшение, Лера внимательно рассмотрела кулон и быстро поняла: никакая это не бижутерия, а настоящее золото. Выходит, и камни тоже *настоящие*!

Сколько же это стоило?

Поймав себя на том, что она любит кулоном, Лера быстро положила его обратно в коробочку, спрятала ее в лифчик, уложила все в ящик комода и задвинула его.

Такого кулона у мамы не было, она точно знала, да и судя по новехенькой коробочке, это было недавнее приобретение. Вряд ли бабушка, купив нечто подобное, стала бы прятать его в нижнем белье погибшей дочери.

Выходило, купить и спрятать его мог *только папа*, и Лера даже знала, что это такое: подарок от отца ей к окончанию школы.

Чувствуя себя с одной стороны неловко, что, сама того не желая, выведала чужую тайну (которой, однако, оставаться тайной было не так долго), а с другой ощущая эйфорию от такого прелестного ценного подарка, Лера, улыбнувшись фотографии мамы, удалилась прочь, не забыв плотно закрыть за собой дверь родительской спальни.

* * *

Поглощая вместе с Лариской по мороженому (ну да, как и бабушкины оладушки, вряд ли уж здоровая еда, но зато *такая вкусная!*), они брели по бульвару Мира, и Лера, как водится, слушала монолог Лариски. Впрочем, это ее в данный момент вполне устраивало: можно было подумать о своем.

– ...А твоя-то бабулечка – голова! Ну да, завидую тебе,

Лерочка! Ты в Москву рванешь, а я тут останусь...

Рванет-то она рванет, но как же Толик? Родители планировали устроить его в вуз, однако в местный. И как же они будут видеться – и как часто? На каникулах? Три раза в год?

– ...И отец у тебя такой классный, Лерочка, не то, что мой отчим, эта вечно пьяная скотина! Эх, как бы я хотела, чтобы он маньяком оказался! Может, улики ему подложить, чтобы ему «вышку» за три убийства дали? Хотя вышку сейчас не дают, сейчас пожизненное заключение в какой-то спецтюрьме на Крайнем Севере.

Ну да, выходит, что с Толиком им придется расстаться – велики ли шансы того, что они, живя и учась в разных городах, она – в Москве, а Толик – здесь, смогут оставаться парой?

– ...А вот хорошо бы было, чтобы этого нелюдя изловили! Увы, не мой это отчим, а я бы все отдала, чтобы он им оказался! Может, думаешь, анонимку в милицию написать?

Нет, вряд ли. И все потому, что в их городе действует этот дурацкий маньяк! Из-за этого изверга ее и отсылают в Москву раньше времени.

– ...Ну нет, наверное, не получится! Но все равно жутко тут веселиться, зная, что где-то рядом этот монстр притаился. Как думаешь, это кто? Может, вот он?

Лера лениво посмотрела в направлении, указанном болтливой подругой. Та выбрала в подозреваемые какого-то

неряшливого старца с клочковатой седой бородой и с бутылками в авоське.

А что, если ей не ехать в Москву, а остаться здесь? Или, наоборот, подбить Толика тоже поступать в столице, а не в родном городе?

– Так что ты думаешь, Лерочка? – вторгся в ее размышления пронзительный голос Лариски, и Лера вдруг поняла: ну да, бабушка права, это было уже не последнее лето детства, а первое лето взрослой жизни.

Но почему она, эта жизнь взрослая, такая сложная и проблемная?

– Ну да! *Да!* – заявила она, желая, чтобы Лариска от нее отвязалась, а та, понизив голос, произнесла:

– Ты в самом деле считаешь, что это маньяк?

Лера, усмехнувшись, проводила старика, явно безобидного, взором, проследив, как он сел в трамвай, и ответила:

– Нет! Да и староват он как-то...

– Ну, это, может, седая борода его старше делает. И вообще, мужчины в возрасте всем сто очков вперед дадут!

Лера рассмеялась:

– Что *ты* знаешь о мужчинах в возрасте!

Заметив, что подруга стушевалась, Лера замерла, но педальковать тему не стала. Если обычно такая говорливая Лариска что-то недоговаривает, значит, на то были *свои* причины.

Тем временем они, сделав круг вокруг бульвара, прошли

мимо того самого колледжа, в котором преподавала последняя жертва. Лера заметила толкавшихся на улице, несмотря на летнее время, молодых людей, которые, куря, живо что-то обсуждали.

И большой портрет молодой, не особо привлекательной женщины, перетянутый черной траурной лентой, перед которым топорщились белые гвоздики.

– Рассуждать надо *логически*, – произнесла Лера и вдруг поняла, что говорит точь-в-точь как бабушка. – Итак, все жертвы имеют отношение к учебному заведению: две ученицы и одна учительница. Это может быть совпадение, а, кто знает, может – и нет.

Лариска ахнула:

– Ну да, понимаю, убийца сам имеет отношение к школе! Так и есть, это *препод*!

Лера, которая унаследовала любовь к классическим детективам от бабушки, обладательницы обширной библиотеки подобных романов, собрать которые в советские времена было делом более чем сложным, парировала:

– Ну почему же сразу *препод*! Мой папа, например, тоже препод, но вряд ли ты считаешь, что он причастен к этим злодеяниям...

Отец Леры был, как и ее покойная мама, учителем и преподавал историю в школе, которую Лера вот-вот должна была окончить.

Мама преподавала там биологию.

Лариска залилась краской, что-то бормоча, а Лера поспешила успокоить подругу:

– Нет, я просто хочу сказать, что это необязательно учитель. Хотя не исключено, что и учитель, но сама посуди: почему тогда две ученицы разных школ и учительница колледжа? Ну да, учитель может совмещать работу в двух школах, хотя это бывает не так уж и часто, но чтобы у него была и третья работа еще и в колледже, это уж просто невероятно!

Лариска, уже давно придя в себя, заявила:

– Но кто тогда, Лерочка? Господи, ты такая умна! И почему я не такая!

Так как ответа на сей сакраментальный вопрос у Леры не было, она продолжила:

– Если не учитель, то кто-то, имеющий отношение к системе образования! Только вот кто?

Тем временем они подошли к своей родной школе, и Лариска потянула ее туда.

– Преподы ведь сейчас все там! Ну, пойдем туда! Может, наткнемся на улики!

Мысль была смехотворная, но Лера позволила подруге убедить себя, что можно и в школу заглянуть. Тем более она все равно хотела поговорить с папой без бабушки, хотя понимала, что вряд ли сумеет повлиять на его решение.

Нет, не на его – на решение авторитетной *бабушки*.

Гулкие, нескончаемо длинные коридоры школы были пустыньны и выглядели теперь, после выпускных экзаменов, как-то зловеще, несмотря на то, что их через пыльные окна заливало яркое июньское солнце.

Отчего-то Лере сделалось не по себе, она даже поежилась, хотя холодно уж точно не было.

– Ты тоже чувствуешь? – прошептала, словно желая нагнать на нее страху, Лариска. – Это *дух зла*, который тут витает!

Лера ни во что подобное, в отличие от увлекавшейся эзотерикой и в особенности гороскопами Лариски, не верившая, отрезала:

– Но почему *тут*? Да, первая жертва была из нашей школы, но вторая – из соседней. А третья вообще из колледжа...

И вспомнила, как читала где-то, что первая жертва маньяка зачастую связана с ним или с его окружением.

Шествуя по неуютным коридорам, по которым разносилось гулкое эхо их шагов, Лариска рассуждала:

– Ну, я просто чувствую, и все тут! А на свои чувства я привыкла полагаться. Маньяк тут окопался! *У нас в школе!*

Заметив в конце коридора нескольких учителей, в том числе и своего отца, Лера произнесла:

– Ну, и кто он, по-твоему? Надеюсь, на *моего папу* не гре-

шишь?

Лариска с жаром воскликнула:

– Ну что ты, как ты можешь такое говорить, Лерочка! Михаил Михайлович – учитель с большой буквы, педагог от Бога!

Учитель с большой буквы, педагог от Бога, сверкнув очками, подошел к ним и, приветствуя девушек, иронично произнес:

– Как убийцу тянет на место преступления, так и вас в родные школьные пенаты?

Сравнение, с учетом последних событий, было несколько корявое, и одна из сопровождавших его учительниц заголова:

– Ах, Михаил Михайлович, как вы можете такое говорить?! Ведь новую жертву нашли!

Очки отца сверкнули, и он быстро переспросил:

– Ах, в самом деле? Вы правы, приношу извинения за свое крайне глупое и абсолютно бестактное замечание. Я не знал, что нашли новую жертву...

Лера, воспользовавшись тем, что всезнающая Лариска решила поведать учительскому составу подробности последнего убийства, увела отца в сторону и, толкнув дверь, оказалась в классе, где парты были поставлены одну на другую и пахло свежей краской.

– Папа, когда вы намеревались мне сказать, что отправляет меня в Москву сразу после выпускного? – требовательным

тоном спросила Лера.

Отец вздохнул, снял очки и ответил:

– Я уже давно порывался, но бабушка все не позволяла...

Ну да, конечно, *бабушка!*

– Папа, я очень люблю и ценю бабушку, но не может быть, чтобы она определяла и твою, и мою жизнь.

Отец отвел взор.

– Она пожилой человек, потерявший свою единственную дочь. Я ее понимаю. Потому что не знаю, что было бы со мной, если бы я потерял тебя, Лера...

Значит, отец полностью на стороне бабушки, и ничего поделать уже нельзя.

Ну, разве что до выпускного найти маньяка и, презентовав его общественности, сделать преждевременную ссылку в Москву ненужной.

– Михайл Михайлович, вас можно? – В класс заглянула одна из учительниц, и отец, потрепав Леру по плечу, произнес:

– Дома поговорим. Мне пора.

Ну да, *дома!* Дома бабушка, и она вместе с отцом обрабатывают ее по полной программе, убедив в том, что расставание с Толиком в ее же интересах.

Главное, чтобы все пошло по разработанному бабушкой плану.

Присоединившись к Ларисе, которая, застрашав пожилую учительницу немецкого, смертельно бледную и явно ожидав-

шую, что маньяк выскочит на нее из-за угла *прямо сейчас*, Лера попыталась разрядить ситуацию:

– Вам опасаться нечего, вы не вписываетесь в его схему...

Всхлипнув, учительница немецкого ретировалась, а Лариска, давясь от смеха, заявила:

– Ну, я тут шороху навела! Она вся дрожит, как осиновый лист. Кстати, чего реветь начала – неужели из-за того, что она, старая и страшная, не во вкусе маньяка, который убивает молодых и симпатичных?

Они вывернули из коридора и едва не налетели на плотного подтянутого физкультурника, Олега Родионовича, который, как водится, в любимом ярко-красном тренировочном костюме, со свистком на шее, заулыбался:

– А, милые дамы! Как дела, как жизнь абитуриентская?

Физкультурника Лера не жаловала – может, свой предмет он знал хорошо, однако имел слабость приставать к молодым девицам. То *тут* как бы случайно притронуться, то *там* потрепать...

Лера не знала, как отделаться от словоохотливого физкультурника, но тут раздался голос одной из учительниц:

– Олег Родионович! Вас тут жена разыскивает...

Физкультурник дернулся, а Лера и Лариска обменялись знающими взглядами: супруга у физкультурника была не сахар, являлась членом какой-то религиозной секты и не спускала с любвеобильного мужа глаз, то и дело навещая его на работе в подходящее, а в основном в абсолютно *неподходя-*

щее время.

Когда физкультурник скрылся, Леру вдруг осенила странная мысль. *А что, если...*

Лариска, явно подумавшая о том же самом, затахтела:

– Господи, Лерочка, это же так просто! Если кто и подходит на роль маньяка, так это Олег! Смотри сама: приставучий, всех нас облапал, но ему ничего ни от кого не обломилось. Жена у него на религии повернута, наверное, секса мало или *совсем* его нет. А он мужик еще в соку. Ну, и дурочки на него ведутся, подать себя он умеет. *Он и есть маньяк!*

Последнюю фразу Лариска от возбуждения чуть ли не выкрикнула, а Лера, осмотревшись по сторонам, одернула подругу:

– Не говори глупостей! Мы не можем обвинять Олега в таких страшных делах.

– Почему не можем, если он это и есть? Не говори только, что ты об этом не подумала!

Лариска была права: *подумала*. Именно об *этом* и подумала.

– Все в схему укладывается, Лерочка! Ну да, маньяки ведь должны быть людьми обаятельными, чтобы и жертв к себе расположить, и окружающим голову дурить. Вот этот, как его, Чикатило, тоже пользовался авторитетом в своем педагогическом коллективе. Он в каком-то ПТУ, что ли, преподавал...

– Но это не значит, что Олег и есть маньяк! – настаивала

на своем Лера, сама не зная, почему – и с каждой секундой убеждаясь, что мысль не такая уж и идиотская.

А если Олег в самом деле убийца трех девиц (или, кто знает, может, даже и *большого* числа!), если его разоблачить, то отпадет повод так быстро уезжать в Москву.

– Он же ключ вечно с собой таскает и спортзал запирает? И не только спортзал, но и свою каморку! Спрашивается только, почему? Хотя при старом физруке та всегда открыта была.

– Ну, вроде потому что там когда-то серия краж была... – произнесла неуверенно Лера.

Лариска отмахнулась.

– Никого же в итоге не поймали, ведь так? Не удивлюсь, что Олег сам и стырил, во-первых, чтобы халявно подзаработать, а во-вторых, чтобы иметь повод всегда закрывать спортзал. Чтобы любопытные нос в его берлогу не совали. В берлогу *маньяка!*

Что правда, то правда.

– Значит, нам нужны ключи! Он их в кармане треников таскает, это каждый знает, на синем ремешке. Ага, знаю, что делать!

Еще до того как Лера успела что-то сказать, Лариска побежала по коридору вслед за физруком. Лера, последовав за ними, увидела, как подруга, на глазах преобразившись (и кто мог подумать, что она умеет быть такой по-взрослому *обольстительной?*), окликнула Олега Родионовича и, безза-

стенчиво строя ему глазки и напропалую кокетничая, завела с ним разговор.

Она так и жалась к физруку, которому явно льстило внимание молодой девицы, а рука Лариски при этом словно невзначай тянулась к высовывавшемуся из кармана тренировочных штанов Олега Родионовича синему ремешку.

Тому самому, на котором был ключи от спортзала и от его каморки.

В самый ответственный момент, когда Лариска уже буквально повисла на млеющем физруке, раздался неприятный женский голос:

– Что это вы тут делаете?

Словно чертик из табакерки, в пустом коридоре из-за угла возникла старомодно одетая, малопривлекательная женщина с постным выражением лица, супруга Олега Родионовича.

Тот при появлении своей унылой второй половины тотчас отпрянул от Лариски и пробормотал:

– Тебе чего надо? Я же сказал, в школу ко мне не шастать!

Супруга, явно игнорируя физрука, ринулась к Лариске, еще не успевшей вытащить из кармана Олега Родионовича ключи, и, оттолкнув ее от физрука, проскрипела:

– Нас соседи топят, вот и пришла. И вовремя, потому что тут *такое*. Руки прочь от моего мужа! А то так много развелось вас, блудниц вавилонских! Ну ничего, падут на вас за это кары небесные, призовут вас к ответу за свои прелюбодеяния небесные силы!

Лариска, фыркнув, ретировалась:

– Вы выражения-то выбирайте! Очень-то мне нужен ваш муж! Берите и наслаждайтесь!

Ну да, не ее муж Лариске требовался, а *ключи от спорт-зала* из кармана ее мужа!

Лариска, присоединившись к ожидавшей ее за уголком Лере, покрутила пальцем у виска – мол, *тетя того!* Подруги, зажав рты ладонями, приснули, наблюдая, как ревнивая жена отчитывает физрука, титулуя Лариску то «вавилонской блудницей», то «продажной девкой», то «юной греховодницей».

Тот, прервав ее излияния, схватил за локоть.

– Угомонись! И не неси чушь и попридержи, прошу, свой поганый язык. Мы не у тебя в секте. Никакая это не вавилонская блудница, а ученица выпускного класса, Лариса Пыпина.

Тронув Лариску за руку, Лера, давась от смеха, произнесла:

– Пойдем, *вавилонская блудница!* Или тебе больше нравится обращение *юная греховодница*? Надо придумать какой-то *другой* план!

* * *

Они покинули выяснявших отношения физрука и его женушку и вернулись в коридор, где стали перебирать один за

другим иные возможные варианты.

Взломать? (Опасно, да и как?) *Сделать дубликат ключа?* (Но для этого нужно сначала заполучить этот самый ключ в руки, а если его заполучить, то зачем тогда делать дубликат?) *Пролезть через окно?* (Все окна в спортзале была зарешечены внутри и снаружи, а в каморе физрука окон вообще не было).

Гениальная идея в голову как-то не приходила.

Лариска, на что-то отвлекшись, припала к окну, которое выводило во внутренний двор школы. Там можно было наблюдать апофеоз семейных дразг в семействе физрука, такую сцену: Олег Родионович быстро шагал, буквально таща за собой свою супругу, явно ее костеря и отчитывая.

– Посмотри, как он жестоко ведет себя с ней! – заявила Лариска. – Она хоть и дура набитая, но так же нельзя, честное слово! А он мужик спортивный, такому всадить нож тридцать раз в тело жертвы, как это было в последний раз, ничего не стоит. И не такой он и весельчак и хохмач. Нет, ты *видела?*

Да, Лера отлично видела, как физрук, не подозревая, что за ними наблюдают, затащив свою, как они сами имели возможность только что убедиться, занудную и действовавшую ему на нервы жену за стоявшую на постаменте клумбу, со всего размаху дал ей сильную пощечину. Женщина схватилась за лицо, а когда отняла руку от щеки, то та пылала багровым цветом, как будто к ней приложили раскаленный

утюг.

– Вот ведь сadyга! – заявила в сердцах Лариска.

Лера была согласна с подругой. Она порывалась прийти жене физрука на выручку, но та уже исчезла, а сам физрук, насвистывая, двинулся к зданию школы. Лера инстинктивно отпрянула, утягивая за собой Лариску: ей крайне не хотелось, чтобы физрук их увидел и понял, что они лицезрели его разборки с женой.

– Это он, *точно он!* – зашептала Лариска, которую Лера затащила в тот самый класс, где несколькими минутами ранее пыталась добиться от отца честного ответа.

– Ну, а если даже так? – спросила Лера в раздумье. – *Как* нам это доказать?

– Подключи Толика, у него же дядька и двоюродный брат в прокуратуре...

Лера отрицательно качнула головой и после короткой паузы произнесла:

– А представь себе, что мы возводим напраслину на пусть и малоприятного, но к убийствам не имеющего ни малейшего отношения человека? То, что он бьет жену, не значит, что он маньяк. Хотя то, что Олег мерзавец, это однозначно.

Лариска заявила:

– Все равно надо на него стукнуть! Пусть проверят, пусть прощупают его, за жабры возьмут или как это там называется...

– И, не исключено, тем самым мы разрушим жизнь и ка-

рьеру Олега?

– Мне его в любом случае не жаль! – отчеканила Лариска. – Такой же скот, как мой отчим. Тот тоже маму бьет...

Она смолкла, а Лера, обняв подругу, сказала:

– Но ты же сама сказала, что это не значит, что твой отчим маньяк. Так же дела обстоят и с Олегом. Нам нужны *улики!*

– Улики? – протянула в сомнении Лариска. – Но что именно ты имеешь в виду? Окровавленную одежду? Наверняка, когда он жертв убивал, кровищи было ужас как много...

Лера кивнула:

– Да, нечто в этом роде. Хотя вряд ли он хранит окровавленную одежду. А вот нож, которым жертв убивал, может и хранить...

– Но где? – зашептала в испуге Лариска. – У себя дома? На даче? В гаражах? В *тайнике?*

Тут раздались голоса, и около наполовину прикрытой двери класса возник физкультурник. Лера и Лариска быстро метнулись к стене, не желая, чтобы он их увидел.

– Олег Родионович! Вас директор к себе требует! Там опять светомузыка искрит!

Речь шла о подготовке актов зала школы к выпускному – физрук, помимо всего, был одаренным технарем.

И, кто знает, *серийным убийцей?*

Физрук удалился, а Лера, выглянув в коридор и убедившись, что никто их не подслушивает, произнесла:

– Твой вопрос вполне резонен. Если маньяк – это профес-

сия, ну, или *хобби*, пусть и кошмарное, и кровавое, и совершенно ненормальное, то убийца *все равно* должен где-то хранить свои причиндалы.

Лариска порывалась что-то сказать, но Лера продолжила: – Да, он может хранить это дома. На даче. В гараже. В тайнике, до которого нам никогда не добраться. Но три убийства произошли не так далеко отсюда, что наводит на мысль, что убийца держит свой инструментарий *под рукой*, на тот случай, если на него снова накатит и потребуется принять быстрое решение.

Решение лишить жизни новую жертву.

– На рабочем месте! – выдохнула Лариска. – Тут, *в школе!* Ну да, так и есть, Лерочка! Он хранит это у себя, в своей камерке в спортзале! Где же еще?! Туда все равно никто, кроме него самого, не заглядывает. – И не без апломба добавила: – Я тебе с самого начала твердила, что тут, в школе, витает дух зла! Так оно и есть! – Она уставилась на Леру и добавила: – Но если это так, то нам надо...

Лера знала, что им надо. Сейчас или никогда – Олег на ближайший час, а то и более, занят в актовом зале. А это значит, что путь в спортзал был открыт.

Точнее, конечно, закрыт, так как по причине наличия там ценного инвентаря и имевших место несколько лет назад краж спортзал всегда закрывался на ключ, если в нем не шли занятия.

И Олег таскал этот ключ в кармане своего неизменного

спортивного костюма.

– Вот бы его каморку *сейчас* обыскать! – протянула мечтательно Лариска. И сразу же уныло добавила: – Но даже если Олег сейчас и не там, нам все равно в спортзал не попасть, там замки такие...

Лера же, усмехнувшись, сказала:

– Ну, не зря же мой отец *препод!* Думаю, настала пора проведать его в учительской. Меня знают, меня пустят, меня прочь не выставят.

И добавила с легкой улыбкой, точной такой, как у бабушки:

– А ведь там в шкафу имеется доска, на которой висят запасные ключи, в том числе *и от спортзала, и от каморки физрука...*

* * *

У Леры предательски тряслись руки, когда искательницы приключений, удостоверившись, что около спортзала нет ни единой живой души, приблизились к заветной двери и остановились перед ней. Девушка даже выронила ключи на пол – надо же, когда только что, зайдя в пустую учительскую и открыв нужный шкаф, просто взяла ключ с деревянной биркой «Спортзал» и висевший рядом же с пластиковой биркой «Комн. физрук.», то испытала не страх, а, скорее, какое-то странное веселое наваждение.

Но теперь, спустя всего каких-то пять минут, видимо, осознав, что *одно* дело – стырить ключ, и *совершенно другое* – открыть им дверь, трясась от непонятного, внезапно на нее накотившего ужаса.

А вот Лариска, наоборот, была сама безмятежность, как будто открывать чужие двери ей приходилось по десять раз на неделе.

Может, в самом деле *приходилось*?

Поэтому подруга, подняв ключ, одним щелчком вставила его в замок и повернула его. А потом еще раз. И, толкнув громко скрипнувшую дверь, произнесла:

– Ты чего так боишься, Лерочка?

Та сама не могла сказать, чего она боится. Поэтому, следуя за взявшей инициативу в свои руки Лариской, девушка пробормотала в ответ:

– А ты что, ни чуточки?

Лариска, пожав плечами, заявила:

– Ну, Олег же в актовом зале.

Тем временем, миновав стопку пыльных матов, обогнув старого ободранного спортивного «козла» и свисавший с потолка канат, девушки оказались в углу спортзала, перед дверью каморки физрука.

– А вдруг он вернется?

Лариска, фыркнув, ответила:

– Что, как в дешевом фильме ужасов или глупом триллере? Убийца непременно возвращается в тот момент, когда

кто-то проник в его берлогу?

И, повертев второй ключ в руке, ответила:

– Мы же вдвоем. Он хоть и сильный мужик, но сразу с нами обеими не справится. Да и у него в камере, кажется, имеются гантели. Если что, мне без проблем его по кумполу шандарахнуть.

Просвещая все еще трясущуюся от страха Леру, Лариска отомкнула дверь камеры и, нащупав рукой на стене выключатель, щелкнула им. Неприятный резкий свет залил обиталище Олега Родионовича.

Лера, немного освоившись, произнесла:

– Ну что же, думаю, нам надо методично обыскать его камеру...

И уставилась на металлический ящик с гантелями. В самом деле, если физрук их застукает и попытается избавиться от свидетельниц, то придется прибегнуть к физической силе.

Не застукает.

– А что значит – *методично*? – спросила Лариска, подходя к шкафчику и раскрывая его.

Пару секунду спустя раздался ее восторженный голос:

– Нет, ты только посмотри!

И она извлекла на свет божий завернутую в трусы солидную упаковку презервативов. Абитуриентки приснули, и эта находка разрядила ситуацию. Взявший Леру в плен страх вдруг отступил, и девушка произнесла:

– Ну, методично – значит, не просто абы как все обыски-

вать!

Лариска, продолжая копошиться в шкафчике физрука, заметила:

– А почему бы и нет? *Абы как*, не исключено, тоже *метода!*

Не найдя что возразить, Лера оглянулась.

Лариска же, давась от смеха, показал ей найденную в шкафчике пустую бутылочку с этикеткой «*Илья Муромец. Потенция+++*».

– Для *чего* ему это надо? – пожелала знать Лариска и принялась хохотать, и Лера залилась смехом вслед за ней.

Они содрогались от веселья, даже слезы на глазах выступили, и вдруг Лариска остановилась столь же внезапно, как и начала.

И произнесла:

– А что, если это он для жертв использует?

Лера, взяв у подруги бутылочку и запихнув ее обратно вглубь шкафчика, ответила:

– Ни одна из жертв не была подвергнута сексуальному насилию. Наверное, у него с этим проблемы, поэтому и использует нож, типичный фаллический символ. И наносит так много ударов, потому что...

Лариска подхватила:

– Потому что свой «кинжал» никуда приткнуть не в состоянии. Да он же импотент!

И девицы принялись снова заливисто смеяться, хотя Лера

понимала, что вели они себя крайне глупо, однако поделаться с собой ничего не могла. Наверное, смех помогал разрядить ситуацию.

Наконец она произнесла:

– Хорошо, пусть каждая из нас работает по своей методике. Только важно ничего не пропустить и положить вещи на свои места. Иначе он поймет, что в его камерке кто-то провел обыск...

– И пусть поймет! – заявила Лариска. – Может, тогда перепугается и решит свести счеты с жизнью?

Лера была уверена, что маньяк не перепугается, а очень сильно *разозлится*. И решит покарать тех, кто проник в его святая святых.

* * *

Лариска копошилась в шкафу, с фырканьем демонстрируя то заграничные порножурналы с грудастыми красотками, узкие алые плавки с *особой* выпуклой подкладкой, позволявшей физруку в *крайне льстивом* для себя свете обозначать размеры этого своего «кинжала», то какие-то азиатские таблетки для увеличения этого самого «кинжала».

Олег Родионович был определенно помешан на этом своем «причиндале».

Находки были многозначительные, но по большей части забавные или постыдные, однако ни одна из них не изобли-

чала физрука в причастности к убийствам.

Но позволяли понять его подлинный характер и его тайные прихоти.

На ум девушке пришла новелла Эдгара Алана По «Похищенное письмо». Это важное послание похититель прятал у себя в доме, и никто не мог его найти там, несмотря на регулярные обыски. Но хитроумный детектив понял, что то, что надо скрыть ото всех глаз, лучше всего схоронить на самом видном месте – и письмо было обнаружено висевшим на самом видном месте, правда, в замаскированном виде.

Вряд ли Олег Родионович читал новеллы Эдгара Алана По – судя по глянцевым порноизданиям, он предпочитал литературу *иного рода*.

Первым делом Лера обыскала небольшой стол, не веря в то, что там находится что-то важное и компрометирующее.

Так и есть, содержимое стола изобличало в Олеге Родионовиче посредственного педагога, который, судя по нескольким потрепанным книжкам, предпочитал читать на досуге ужастики Стивена Кинга.

Кроме стола и шкафчика имелась еще открытая полка, на которой валялась масса спортивной литературы, стояли запыленные спортивные кубки, лежали небольшие гантели. А вдоль стены, на которой висел большой плакат с изображением немецкой сборной, болельщиком которой, судя по всему, и был физрук, вповалку лежали разнообразные физкультурные и спортивные принадлежности, начиная от крошеч-

ных мячей и заканчивая огромной поломанной гимнастической тумбой.

Изучив полку, Лера вздохнула: нет, никакого тайника там не имелось, ни в одной из брошюр не было пустот, где бы хранился нож, при помощи которого маньяк кромсал жертвы.

Может, зря они физрука подозревали?

– Ой, а это что? – спросила Лариска, вдруг извлекая из запыленной коробки, стоявшей среди ей подобных и заполненных всяким хламом, *наручники*.

Девушки стали изучать сей предмет, и Лариска вдруг пробормотала:

– Смотри, они ржавые, что ли?

Лера же, проведя пальцем по темному пятну на внутренней стороне наручников, сдавленно ответила:

– Думаю, это *кровь*!

Паника, казалось бы, давно улегшаяся, вдруг снова охватила ее. Девушки принялись требовать все прочие коробки, уже не заботясь о том, чтобы не оставить следов. И обнаружили еще одну пару наручников, правда, в отличие от первых, с кокетливой розовой опушкой.

– Зачем они ему? – пробормотала Лера, а Лариска, кашлянув, ответила:

– Думаю, для сексуальных утех.

Лера качнула головой.

– Так-то оно так, но только для добровольных или для тех,

в которых жертвы принимают участие *против* своей воли?

В глаза ей бросился устроенной ими в каморке физрука беспорядок. Тот сразу же поймет, что кто-то устроил в его отсутствие шмон, и что тогда?

Лариска же, усевшись на грязный баскетбольный мяч, произнесла:

– Значит, так! Олег, вероятно, черт знает чем занимается, причем явно не со своей помешанной на религии малахольной женушкой, тогда бы не имело смысла хранить все эти секс-причиндалы на работе, а с кем-то другим. Причем, судя по всему, *некоторые любят погорячее...*

Она беспомощно взглянула на Леру, и та завершила ее мысль:

– Но это вовсе не значит, что он убийца. Да, думаю, мы сели в лужу. Весь вопрос в том, что нам теперь делать с этим хаосом?

Лариска же, желая что-то сказать, сделала неловкое движение, баскетбольный мяч выкатился из-под нее, и девушка плюхнулась на не менее грязный, чем сам мяч, пол.

– И почему он так ненавидит порядок! Это же ненормально! – заявила она и в сердцах, явно раздосадованная их поражением, схватила баскетбольный мяч и пульнула им в стену, прямо в плакат с изображением немецкой сборной.

Тот, отскочив от стены, издавший странный гулкий звук, скрикошетил в полку, где и застрял, сбив несколько жалобно звякнувших спортивных трофеев.

Лера же, подойдя к стене, произнесла:

– Ты слышала?

– Что слышала? – спросила Лариска, а Лера кулаком постучала по плакату, точнее, по скрытой за ним стеной.

Только звук был не как от монолитной бетонной стены, а как от деревянной доски, за которой скрывалась пустая *полость*.

Так и есть, на самом виду – и пусть не как у Эдгара Аллана По в «Похищенном письме», зато как у столь любимого физруком Стивена Кинга в «Побеге из Шоушенка», где главный герой, отбывавший пожизненное заключение в американской тюрьме за совершенное не им убийство жены, долгие годы кропотливо долбил в собственной камере подземный ход, прикрывая лаз постерами с различного рода голливудскими дивами.

Олег Родионович же выбрал *немецкую сборную*.

* * *

Плакат был надежно прикреплен к деревянной рамке, которая держалась на вмонтированных в бетонную стену штырях. Не оставалось ничего иного, как, воспользовавшись найденной в столе отверткой, осторожно поддеть плакат и высвободить его из рамы.

Глазам девушек предстала стена, в которой кто-то, наверняка *сам* Олег Родионович, мастак на все руки, обустроил

сейф-нишу, используя в качестве дверцы деревянную перегородку.

Лере и Лариске пришлось потрудиться, чтобы понять, как отодвинуть ее в сторону, и когда это наконец удалось, их глазам предстал тайник физрука.

Запустив в него руку, Лариска извлекла плетку с металлическими шипами.

– Вот он, значит, *какой*, наш Олег Родионович! – заявила она и сунула руку в стенную нишу. А затем, вытащив что-то массивное, продолговатое, красное, с визгом отбросила это от себя.

Девушки склонились над этим предметом, лежавшим на пыльном полу каморки, и Лариска, судорожно хохотнув, произнесла:

– Это то, на что оно похоже?

– *Да!* – завопила Лера, а подруга добавила:

– И это то, о чем я сейчас думаю?

Лера снова подтвердила ее мысли.

На полу перед ними лежал гомерических размеров резиновый фаллос.

– Но *зачем* он Олегу? – спросила Лариска, а Лера, запустив руку в тайник, не без иронии в голосе произнесла:

– Вопрос, конечно, интересный, но поставлен неверно. Не *зачем он* Олегу, а *зачем они* Олегу!

Ну да, в тайнике имелся *целый выводок* резиновых изделий разного цвета и поистине устрашающих размеров.

– Что он с ними делает? – спросила Лариска, и Лера приснула.

Вслед за этим девушки снова принялись судорожно хохотать, а затем, схватив каждая по резиновому другу физрука, правда, разных цветов, принялись, словно мушкетеры шпагами, дуэлировать друг с другом.

Устав, Лера откинула тайного любимца Олега Родионовича и сказала:

– Кажется, там еще что-то есть!

На этот раз они вместе запустили руки в тайник и извлекли видеодиски в цветных обложках. На этот раз смеха не было, Лариска только сдавленно произнесла:

– Ничего не понимаю...

Как и журналы в шкафчике, видеодиски были непотребного содержания, только изображены на них были не знойные красотки, а молодые спортсмены.

– Он что, «голубой»? – спросила недоверчиво Лариска. – Но ведь он пристает только к девицам и никогда к парням!

Лера, вздохнув, ответила, запихивая диски обратно:

– Может, он и вашим, и нашим. *Физрук-многостаночник*, так сказать. А к девицам пристает, да еще так агрессивно, наверняка специально, чтобы никто не узнал о нем всей правды. Понятно теперь, почему он хранит эти вещицы вне дома.

Завершив обыск, девушки, как могли, навели порядок, хотя полностью следы их пребывания в камерке физрука ликвидировать не удалось, и ретировались из спортзала. И во-

время – потому что, снова вернувшись в пустой класс, где уже были до этого, и обмениваясь впечатлениями, увидели через полуприкрытую дверь, как по коридору в сторону спортзала прошел физрук.

Словно по команде, девушки подскочили и, выждав несколько секунд, буквально полетели по коридору в обратном направлении, к выходу.

Завернув за угол, Лера налетела на своего отца, и тот не без удивления произнес:

– О, вы все еще тут? А что вы тут, собственно, делаете?

* * *

Лера замялась, так как не нашла, что ответить, а Лариска более чем убедительно ответила:

– Со школой прощались, ностальгировали, так сказать...

Черты лица отца смягчились, и Михаил Михайлович сказал:

– Да, понимаю... Кстати, Лера, ты ведь хотела со мной поговорить...

Лариска, явно поняв намек, пропела:

– Ну, не буду вам мешать!

Отец, покраснев, снял очки и заметил:

– Лора, ты никогда не мешаешь, ты же это знаешь...

С каких пор отец называет Лариску *Лорой*?

Та же, удаляясь, пропела:

– Ах, как приятно это слышать, Михаил Михайлович! Да, мне так будет не хватить школы, но в особенности мне будет не хватать именно *вас!* – И, выразительно посмотрев на него, добавила: – Извините, мешать разговору отцу и дочери не намерена. Вы ведь найдете верные слова, Михаил Михайлович?

Отец, смущенный до подлинного конфуза, что было крайне на него не похоже, ничего не ответил, а Лариска, послав воздушный поцелуй, выплыла во двор.

Лера, ничего не понимая, спросила:

– Папа, что тут происходит?

Отец, водрузив очки на нос, сказал:

– Мне надо тебе кое-что сказать...

И буквально уволок ее по коридору в тот же самый класс, где они уже беседовали час назад и где она только что пребывала с Лариской.

Измеряя помещение шагами, отец молчал, явно о чем-то размышляя, поэтому Лера первой произнесла:

– Бабушка мне все сказала!

– *Что* тебе бабушка сказала? – произнес отец, на лице которого был написан такой неподдельный ужас, что Леру оторопь взяла. *Чего* он так испугался?

Лера энергично заявила:

– Все! То, что вы намерены отослать меня в Москву! Премного благодарна, но я с этим не согласна!

Отец, шумно вздохнув, снова снял очки и произнес, не

глядя на дочь:

– Да-да, извини, но так вышло. Ты же знаешь бабушку.

– *Так вышло?* – произнесла с горечью девушка. – Папа, а ты задумывался о том, что у меня *тоже* есть личная жизнь. И если ее у тебя нет, то это не значит, что ее лишены все другие!

Вышло весьма грубо, и Лера тотчас пожалела о сказанном, но отец, теребя в руках очки, произнес:

– Ну да, личная жизнь... Об этом и пойдет речь... Я испугался, но понял, что бабушка не могла сказать тебе об этом, потому что она не знает. Потому что когда узнает, то все изменится полностью!

Лера, не вслушиваясь в слова отца, крикнула:

– Папа, уже все изменилось! Да, все должно меняться, но *не так и не тогда*, когда захотите вы, а когда пожелаю я. Ведь я – *взрослый человек!*

Отец, словно не слыша ее (может, и правда не слышал?), взял дочку за руку и сказал:

– Лера, ты должна знать, что...

Он запнулся, и Лера вдруг поняла, что отец пытается сообщить ей что-то совершенно иное, никак не связанное с ее предстоящим отъездом.

– *Что*, папа?

Отец, все теребя очки в руках, продолжил:

– Ну, дело в том, что...

Раздался тонкий треск – оказалось, что отец сломал дуж-

ку очков. Заметив это, он принялся причитать и стенать, что было так на него непохоже, а Лера, силой забрав у отца сломанные очки, сказала:

– Ничего, купишь себе новые. Итак, что ты хотел мне сказать, папа?

Отец, не смотря на нее, выдавил из себя:

– Я хотел сказать тебе... Тебе я хотел сказать...

Он запнулся, замолчав. Молчала и Лера.

Наконец, после невыносимо долгой паузы отец продолжил:

– Я хотел сказать тебе, что...

И, наконец приняв решение, выкрикнул:

– Что был против того, чтобы отсылать тебя в Москву так рано. Но бабушка на меня надавила, и я, как водится, сдался. Но теперь понимаю, что был не прав и что ты поедешь в Москву тогда, когда захочешь сама!

Еще бы десять минут назад Лера бросилась отцу на шею, услышав от него подобное заявление, но теперь только сухо заметила:

– Благодарю. Рад, что ты понял, что был не прав. Но разве это то, что ты хотел сказать мне на самом деле?

Она знала: нет, *не то*.

Девушка взяла отца за руку и вдруг ощутила, что он весь дрожит. Но чего он так боится?

И вдруг поняла: лучше пусть ничего не говорит. *Ничего!*

Потому что в голове вдруг возникла, крутясь, абсолютно

идиотская мысль: отец признается ей в том, что эти убийства на *его* совести.

Вздрогнув от столь кошмарного предположения, Лера прошептала:

– Папа, если хочешь, то не говори...

Отец же, посмотрев на нее измученным, каким-то осоловелым взором, прошептал:

– Нет, я так больше не могу. Ты должна знать правду. Бабушке, наверное, лучше не говорить, но все равно придется сообщить. Не представляю, что тогда будет...

Вздохнув и даже зажмурившись, он сказал:

– Все дело в том, что твой отец...

В этот момент в коридоре раздался крик, точнее, небывалый рык, сопровождаемый диким визгом. Продолжать беседу при таких обстоятельствах было нереально.

Отец, выбежав в коридор, бросился к дрожащему, раскрасневшемуся, со слезами на глазах физруку. Тот фальцетом кричал на весь коридор:

– *Кто?* Кто сделал *это*? Кто посмел устроить у меня шмон...

Поняв, что физрук убедился в том, что его секреты стали кому-то известны, Лера сочла за лучшее незаметно ретироваться, тем более что на вопли Олега Родионовича набежал персонал, и затеряться в небольшой толпе было проще простого.

Выйдя из школы, Лера подставила лицо яркому солнцу.

Что хотел сообщить ей отец? В чем намеревался признать-
ся?

* * *

– Приветик! – услышала она знакомый голос и, обернувшись, заметила черные вихры Толика.

Ее молодой человек, одарив ее скупым поцелуем (на людях, как он считал, целоваться было зазорно), кивнул в сторону высокого, лет на пять старше, чем они сами, атлетически сложенного парня с такими же, как у него самого, черными вихрами:

– Кирилл Белогорко, мой двоюродный брат...

Лера вспомнила – тот, что в городской прокуратуре работает, как и его отец, дядька Толика.

– Значит, вы и есть та красавица Лера, о которой мне Толян все уши прожужжал? – произнес, одаривая ее белоснежной улыбкой, Кирилл. Лера ощутила тепло его ладони. – Может, мы перейдем *на ты*?

– Эй, Кирюха, смотри, мою девушку не кадри! – заявил явно в шутку Толик, а Лера, отводя взор, потому что ощутила, что двоюродный брат Толика, о котором она много слышала, но с которым до сегодняшнего дня знакома не была, произвел на нее неизгладимое впечатление и, *стыдясь* этого, намеренно безразличным тоном заявила:

– Думаю, можем оставаться пока что и *на вы*. Кстати, уве-

рена, Толик, что опасности от твоего двоюродного брата Кирилла никакой не исходит, потому что он ведь наверняка уже женат, ведь так?

Произнесла она это просто так, не сомневаясь, однако, что если этот лохотонный юный прокурорский сынок и не женат, так наверняка имеет подружку, вероятно даже, целый выводок.

– Мог бы сказать, что разведен, но тогда бы пришлось обманывать *вас*, – усмехнулся молодой человек, явно подчеркивая обращение на *вы*. – А обманывать *вас* мне не позволяет чувство прекрасного!

Говорил он это, все еще не отпуская ладонь Леры. Да и та и не хотела, чтобы он отпускал.

Длилось это от силы три, быть может, четыре секунды, а казалось, что целую вечность.

Толик же, явно не замечая, что происходит у него под носом, однако ощущая странность ситуации, заявил:

– Это я Лариску на бульваре встретил, и она мне сказала, что ты в школе. Мы вообще-то шли в новую пиццерию, ее на набережной открыли. Она моей тетке, матушке Кирюхи, принадлежит. Айда с нами!

В *былые* времена Лера ни за что бы не отказалась, несмотря на то, что пицца явно не являлась здоровой пищей, да и сейчас представился подходящий момент провести какое-то время с ним.

Нет, не со своим молодым человеком Толиком. А с его

двоюродным братом Кириллом.

Тем самым двоюродным братом Кириллом, который не намеревался отпускать ее руку и, о ужас, вдруг принялся мизинцем, незаметно, нежно, но так *возбуждающе* щекотать внутреннюю сторону ее ладони.

Лере сделалось дурно, перед глазами все поплыло.

Она в самом деле пошатнулась, потому что Толик засуетился, не понимая, что происходит, а вот Кирилл, бережно подхватив ее на руки, произнес:

– На вас лица нет. Вам нужно немедленно в больницу!

– Нет! – заявила Лера, чувствуя, что приступ мгновенной дурноты уже миновал.

Кирилл продолжал держать ее на руках, а Толик, словно собачонка, прыгая около него, все приговаривал:

– Кирюха, ну, ты чего?

Но ни Лера, ни Кирилл его не замечали.

– *Точно* нет? – усмехнулся Кирилл, и Лера, чувствуя, что все ее естество кричит «*Да, да, да!*», заявила сиплым голосом:

– Я же сказала, нет!

Кирилл по-прежнему продолжал держать ее на руках.

– Ну, Кирюха, что такое, в самом деле...

– Поставьте меня, пожалуйста, на землю! – попросила Лера, а Кирилл вздохнул:

– Я могу продолжать держать. Я сильный.

– Прошу вас, поставьте!

Наконец, он опустил ее на землю, однако не на то место, где она стояла, а отнеся метров десять вбок, там, где была тень.

– Лерусик, все точно в порядке? – суетился раскрасневшийся Толик. – Может, тебе в самом деле в больницу?

– Никакой больницы! – заявила Лера, а Кирилл добавил:

– Вы прямо пылаете. Надеюсь, что вы не простудились.

– Слишком долго находилась на солнце, – вырвалось у Леры, и молодой человек, снова усмехнувшись своей голливудской улыбкой, ответил:

– Готов хоть всю жизнь ограждать вас от солнца...

Толик же, раскудахтавшись, заявил:

– Нет, это я готов! Готов, Лерусик, ты слышишь?

Словно только что заметив своего кузена, Кирилл бросил с насмешкой:

– Толян, ты что, в грибок из-под солнца на городском пляже решил превратиться? Ну, молоток!

Лера поняла, что в ее присутствии один двоюродный брат намеренно унижал другого, ее молодого человека.

И причиной тому была она сама.

– Не надо меня защищать от солнца, – произнесла Лера, – потому что недостаток солнечных лучей приводит к дефициту витамина Дэ и рахиту. Вы же не хотите, чтобы у меня развился рахит?

Кирилл усмехнулся, а Толик непонимающе заявил:

– Какой такой рахит? И что за витамин Дэ?

Его старший кузен иронично бросил:

– Тот, что содержится в рыбьем жире. Тем самым, которым тебя в детстве пичкали, когда у тебя проблемы с ушами были. Или не с ушами, а с глазами? Хотя, наверное, и с тем и с другим. Ты же у нас такой рахитичный был, Толян. *Был и остался...*

Лера, чувствуя вину перед Толиком, который раскраснелся и, кажется, был близок к тому, чтобы расплакаться, подошла к нему, взяла за руку и нежно поцеловала в щеку.

– Не слушай его. Он просто тебе завидует. Я *так* тебя люблю! – прошептала она. И громко добавила: – Увы, с вами пойти не могу, лучше пойду домой и прилягу, а то в самом деле голова что-то трещит...

Голова болела, и это была сущая правда, а не выдумка, дабы избежать посещения пиццерии фазера Кирилла.

В обществе *самого* Кирилла.

Того самого, который подобно магниту так к себе притягивал и который так выгодно выделялся на фоне пусть и приятного если не во всех, то во *многих* отношениях, но столь инфантильного и, по сути, еще не вышедшего из подростковой фазы Толика.

– Вас проводить? – предложил галантный (или навязчивый?) Кирилл, и Толик тут взвился:

– Ты что, Кирюха, мою девушку провожать вознамерился? По какому такому праву? И вообще, заведи себе свою и тогда и провожай сколько влезет... *Ой!*

Раззадорившись, Толик, в подобные моменты не стоявший на месте, как-то неловко повернулся, задел ногой не замеченный им бордюр и полетел на асфальт.

С разбитым локтем и ободранным ухом он уверял, что с ним все в порядке. Лера же, даже тайно радуясь, что все так вышло, заявила:

– Пиццерию придется отложить! Сейчас пойдем ко мне, и бабушка тебе раны перевяжет. Она же у меня заслуженный врач на пенсии...

– Кажется, *гинеколог*? – спросил Кирилл, причем сделал это совершенно обыденным, ничуть не вызывающим тоном, но этого все равно хватило, чтобы Толик бросился к нему с кулаками. И если бы не Лера, удержавшая своего боевого друга, и не Кирилл, который реагировал на попытки кузена, бывшего, впрочем, на голову его ниже, вызвать его на бой с ироничным флегматизмом, то схватки двух братьев было бы не избежать.

Но в итоге *избежали*.

– Кажется, Толян, тебе тоже долго нельзя пребывать на солнце, – заявил, прощаясь с ними, Кирилл, как всегда, таинственно усмехаясь.

Он подал Лере руку, и та не знала: вложить в нее ладонь или *нет*.

В итоге, пятерню протянула, и Кирилл, как уже до этого, пощекотал своим мизинцем внутреннюю сторону ладони девушки, что, впрочем, Толику видно не было.

Но что снова вызвало сладкую волну по телу Леры, и это, как ей показалось, от глаз Кирилла не ускользнуло.

– Кстати, вот моя визитка. Если будет нужна помощь, обращайтесь, – Кирилл протянул Лере темный картонный прямоугольничек, на котором девушка заметила помимо всего прочего мобильный номер. – Ну, или если захочется с кем-то *взрослым* поговорить, пообщаться...

– Я тоже взрослый! – заявил Толик, а молодой человек произнес:

– Взрослый-взрослый, а как же. Купи себе панамку, Толян! Ну, или я тебе подарю!

И, пока Толик силился с колким ответом, удалился прочь.

* * *

Бабушка обработала раны Толика перекисью и йодом, наложив даже в двух местах пластырь. Лера, поглаживая Толика по руке, старалась быть как можно более предупредительной, ласковой, внимательной.

При этом думая только об одном: о Кирилле.

Выходит, она – *подлая и двуличная стерва!*

Выходило, что *да*.

Бабушка же, как водится, завладев нитью разговора, уже поставила Толика в известность о том, что Лера в начале следующей недели, сразу после выпускного, уедет в Москву.

– Но как же так? – проблеял растерянно Толик. – Как же

мы?

– С учетом сложившейся криминогенной обстановки в нашем городе... – начала бабушка, но Лера опередила ее, выдав сенсационную весть:

– Никуда я *не* еду! Я говорила с папой, он сказал, что я сама имею право решать. И я решила: поеду не на следующей неделе, а позднее!

Бабушка, явно не в состоянии поверить этому, тотчас удалась, чтобы позвонить зятю в школу, Лера же, опустившись на стул рядом с Толиком, положила вдруг голову ему на вытянутую на столе руку.

– Ой! Больно!

– Извини! Я не хотела...

Толик, посмотрев на нее, произнес:

– Ты чего, Лерусик? Все в порядке?

Лера, чувствуя, что все далеко не в порядке, и вовсе не из-за этого треклятого маньяка и из-за попытки бабушки вмешаться в ее жизнь, а исключительно из-за *него*, Кирилла, ответила ужасно фальшивым, как она считала, тоном:

– Ну да, все как нельзя лучше! А может, нам рвануть в Москву вместе? И в самом деле прямо уже на следующей неделе?

В Москву, как можно дальше от их родного города – и от *Кирилла*.

– Ну, не получится. Мы же говорили об этом, Лерусик. У предков, надо отдать им должное, все уже на мази. Дядька

меня пристроит на юридический, где и Кирюха учился...

Будь он неладен, *этот Кирюха!*

— Ну, а ты сам этого хочешь? — спросила Лера и посмотрела Толику в лицо. — Одно дело — это желания твоих предков. А другое — это *твои* желания!

Толик, который не особо парился по поводу своих желаний, ответил:

— Нет, ну, на юридическом у меня проблем не будет. Там у дядьки, фазера Кирюхи, все схвачено, он ведь...

Лера не выдержала:

— А без Кирюхи *никак* не получится?

Толик, явно не понимая ее, принялся что-то горячо доказывать, ссылаясь на то, что Кирюха, может быть, и бывает высокомерным, но в действительности очень безотказный парень...

Кирюха, Кирюха, Кирюха...

Лера закрыла глаза, вспомнив, как он держал ее на руках. И как щекотал своим мизинцем внутреннюю сторону ладони.

Ее бросило в жар.

Запретив себе думать о подобном, она открыла глаза и взглянула на тарахтевшего Толика. Ну да, Толика она...

Любит?

Наверное, *да*.

А вот Кирилл ее манил. Привлекал. *Возбуждал*.

Она испытывала все те чувства, которые к Толику, этому

смешному доброму инфантильному Толику, ни разу никогда до сих пор не испытывала.

И, не исключено, уже *никогда* и не испытает.

— А что с маньяком? — быстро произнесла Лера первое, что пришло в голову, лишь бы не вести речи о Кирюхе, и Толик сказал:

— Ну, фазер Кирюхи говорил, что...

* * *

Лежа короткой бессонной июньской ночью в постели, Лера ворочалась с боку на бок, думая о Кирилле. Воображая сцены, которые заставляли ее изменить о себе мнение. Желала, чтобы он оказался с ней.

А забывшись тяжелым сном уже мутным утром, проснулась с температурой и обложенным горлом.

Бабушка, лечившая их семью самолично, вынесла вердикт:

— *Ларингит*. И скажи спасибо, что вообще не ларинготрахеит. Пить холодное строго воспрещено, поэтому компот я выставлю из холодильника на подоконник, носи шарф и старайся не разговаривать. Ну, и кое-какие имунностимулирующие средства тоже принимать будешь. Твердила же я тебе, Валерия, что шлаться без тапочек нельзя...

Лера была даже довольна, что заболела, и пусть даже накануне выпускного. По крайней мере, у нее была возмож-

ность повалиться дома (хотя бы и с зимним шарфом на шее) и подумать.

Правда, она быстро убедилась, что все мысли сводились к *одному* предмету – к Кириллу. Измученная пульсирующей болью в горле, девушка попыталась думать о чем-то другом.

И, желая забыть Кирилла, позвонила Лариске. Хоть говорить она могла с трудом, но все же вытребовала у бабушки право на телефонное общение.

Подруги обсуждали последние события в школе. Лариска, бывшая всегда и обо всем в курсе, деловито поставила ее в известность:

– Физрук поднял ужасный скандал по поводу того, что кто-то рылся в его вещах. Подозревает кого-то из молоденьких преподш, на учеников он, кажется, и не думает. Но бучи поднимать не будет и милицию приглашать не станет. Потому что тогда все то, что он пытался утаить, всплывет. Так что нам бояться нечего. Но, выходит, что он не маньяк?

– Выходит, что *нет*, – просипела Лера, а Лариска вздохнула:

– А ведь подходил по всем параметрам! Ну ладно, тот, кого больше подозреваешь, никогда убийцей не оказывается! Кстати, я ведь составила *список подозреваемых*! Хочешь, зачитаю?

И, не дождавшись ответа, принялась тараторить:

– *Директор*, он уж слишком гладкий. Наш *завхоз*, вечно угрюмый и в глаза никому не смотрит. Ну, у тебя еще в на-

чальной школе конфликт с ним был. Он тебя за волосы таскал, а ты его укусила. В общем, еще та гадина. *Трудовик*, он вроде мужик ничего, но такие обычно маньяками и оказываются. Ну, Михаила Михайловича я, естественно, пропускаю... Так, дальше! *Географ*, это потому что он, говорят, срок мотал, хотя никто ничего точно о нем не знает. Ну, и кто сказал, что маньяком должен быть мужчина? Если тетка, то наверняка тогда *химичка*! Она ведь бодибилдингом, или как это там называется, увлекается, любому мужику фору даст, даже Олега наверняка скрутить может!

Лера же, выслушав список, в который вошли чуть ли не все учителя их школы, заметила:

– А почему ты пропустила моего отца?

Возникла пауза, и Лариска странным тоном заметила:

– Ну, извини, я что, по-твоему, должна была его тоже в подозреваемые записать? Он же твой отец!

– Чикатило тоже был *чьим-то* отцом! – заявила Лера и добавила: – Кстати, с каких пор он называет тебя Лорой?

Лариска аж задохнулась:

– Да не называет он меня так! Тебе показалось все!

На Леру обрушился целый водопад аргументов, примеров и длиннющих фраз, смысл которых сводился к тому, что Михаил Михайлович *никогда и ни при каких обстоятельствах* не называл ее Лорой.

Хотя Лера прекрасно помнила, что *называл*.

– И вообще, если ты думаешь, что Миша мог бы назвать

меня так, то это значило бы...

– Как ты сама его только что назвала? – прервала ее Лера, и Лариска заявила:

– Как-как? Михаил Михайлович! Так вот, если ты считаешь, что Михаил Михайлович мог бы назвать меня так...

Нет, она только что назвала отца *Мишей* и еще имеет наглость отрицать это!

Лера прервала поток красноречия подруги:

– Извини, у меня что-то голова разболелась. Кстати, не можешь ли свой список занести? Я хочу его просмотреть, обмозговать. Ну, ты бабушке отдашь, потому что со мной тебе лучше не общаться, я ведь заразная...

На самом деле Лера хотела, наплевав на болезнь, вызвать Лариску на откровенность. Та что-то от нее скрывала, как, впрочем, скрывал и отец.

Ничего не подозревавшая подруга прибежала час спустя, и, когда раздался звонок в дверь и бабушка пошла открывать, Лера, уже заготовившая несколько словесных ловушек для Лариски, тоже двинулась к двери.

– Привет! – произнесла подруга, вваливаясь в их квартиру. – Ух, ну и жара, и как тебя заболеть угораздило! Кстати, платье-то для выпускного готово? Валерия Афанасьевна, а компотика у вас не найдется, а то в горле пересохло?

Лариска была в своем амплуа: болтливая, навязчивая, вездесущая.

Все домашние заготовки вылетели у Леры из головы, по-

тому что ее взгляд приковала изящная вещица, висевшая у Лариски на шее.

Это было золотое сердце с тремя камешками-звездочками красного, зеленого и синего цвета на золотой же цепочке.

* * *

Бабушка хоть и старалась выставить Лариску прочь, но не вышло, и они отправились на кухню «пить компотик». Лера же дернула дверь в родительскую спальню и, чувствуя себя сомнамбулой, отправилась к комоду, выдвинула верхний ящик и запустила в него руку.

Никакой коробочки, в который находился кулон, что украшал теперь шею Лариски, там *не было*.

Кулон, который, как она была уверена, отец приготовил в качестве подарка для нее, своей дочери. И который он прятал в ящике с нижним бельем покойной жены.

На автопилоте Лера отправилась на кухню и, прислонившись к косяку, наблюдала за тем, как Лариска просвещает о чем-то бабушку. Слова подружки слились в ушах Леры в какофоническую кашу.

Подруги?

– А откуда у тебя кулон? – произнесла Лера, точнее, выдавила из себя, потому что горло болело неимоверно, и Лариска вдруг, замолчав на полуслове, уставилась на нее, и Лера поняла, что та испугалась.

– Кулон? *Какой* кулон? – запричитала она, и ее рука автоматически метнулась к висевшему на шее золотому сердцу.

Разозлившись, Лера закричала, хотя с учетом ее состояния крик больше походил на шепот:

– Тот, что в кулаке зажала. *Откуда* он у тебя?

Лариска, выпустив кулон, затараторила:

– Родители подарили, на окончание школы! В ювелирном на Маяковского приобрели. Знаешь, я всегда хотела себе нечто элегантное и неброское, не все эти дутые вещицы, которые если о чем и свидетельствуют, так об отсутствии вкуса у их владельцев...

Ну да, *родители подарили*! Отчим, которого Лариска ненавидела и который ненавидел ее. И зашуганная им мать, кажется, тайная алкоголичка.

– Это отчим подарил, *что ли*? – перебила Лера, и Лариса, замолчав, явно соображала, какой дать ответ.

– Нет, это мне дядя с тетей подарили...

– Но ты же сказала только что родители. Так ведь, бабулечка?

Лариска запричитала:

– Я имела в виду, что это я бы хотела, чтобы родители подарили, но ты сама знаешь, какая у нас ситуация... А подарили дядя с тетей...

– А что, у тебя есть дядя с тетей? – продолжила допрос подруги Лера. – Они же живут где-то в Нижневартовске...

– Ну да, но есть еще и другие. И вообще, они нам не род-

ственники, просто это я их так называю...

И вновь водопады слов, фраз, абзацев. Лера не верила ничему из того, что презентовала ей Лариска.

Она знала, кто подарил Лариске золотой кулон в виде сердца: ее собственный, Лерин, отец.

Только вот, спрашивается, *почему?*

Заметив, что ситуация накалена до предела, Лариска быстро распрощалась, что было обычно не в ее правилах, и Лера, настояв, игнорируя замечание бабушки, на том, чтобы проводить гостью к двери, произнесла:

– Прошу, скажи правду: *откуда* у тебя кулон?

Лариска, вздохнув и, кажется, даже, всхлипнув, заявила:

– Выходит, он с тобой так и не поговорил. А ведь сказал, что поговорил! Понимаю, говорил, но ничего не сказал! Вот и спроси у Миши!

И, ничего не объясняя, вылетела прочь.

Хорошо, что бабушка так и не поняла, о чем шла речь, и после того, как Лариска буквально сбежала из их квартиры, Лера, брякнувшись в постель, чувствуя себя совершенно обессиленной, отвернувшись к стенке и принялась думать.

Хотя *о таком* думать не хотелось.

В дверь постучали, потом послышался скрип и звук шагов. На ее лоб легла прохладная рука бабушки.

– Валерия, не нравится мне, как у тебя болезнь протекает. Так, прими вот еще две таблетки...

Девушка послушно приняла их из рук бабушки, судорож-

но размышляя над тем, стоит ли с ней говорить о том, что ее так занимает.

И пришла к выводу, что нет.

Бабушка же, подняв с пола скомканный листок, тот самый список подозреваемых, который составила и принесла Лариска, с удивлением произнесла:

– Гм, а это что такое? *«Список подозреваемых»*...

– Ах, это пьеса... Ну, для выпускного.

Бабушка качнула головой.

– В твоем состоянии ни о каком выпускном речи идти не может. Кстати, я говорила с твоим отцом. Да, он изменил решение, однако я с этим не согласна. Считаю, что тебе надо поскорее уехать в Москву, но, конечно же, после того как окончательно выздоровеешь...

Вести дискуссии с бабушкой Лере *уж точно* не хотелось.

Раздавшийся звонок в дверь прервал их разговор, и бабушка вернулась через пару минут, раскрасневшаяся и державшая в руке большую корзину с белыми розами.

– Господи, нам доставили, хотя я уверяла курьера, что это ошибка. Но тут вот написано – Валерии Михайловне Кукушкиной, то есть тебе!

Она передала Лере конверт из серебристой бумаги, на котором действительно значилось ее имя, и извлекла из него кусок плотной, серебристой же, бумаги.

Там было сиреневыми чернилами начертано: *«Желаю скорейшего выздоровления»*.

Подписи не было, но Лера и так поняла, кто прислал ей два, если не все три, десятка роз. И у кого, в отличие от Толика, на это были деньги.

Кирилл.

– Это *точно* тебе? – спросила с подозрением бабушка, а Лера, стараясь скрыть внезапную дрожь, причем не по причине температуры, а нервного волнения, произнесла:

– Ну да. Это для пьесы на выпускном... *Реквизит...*

Сетуя на то, что розы до воскресенья завянут, бабушка унесла их на кухню, получив от внучки разрешение «позаботиться о них».

Девушка же смотрела на послание, состоявшее из трех слов, выведенных решительным, косоватым почерком.

Рукой *Кирилла*.

И, засунув письмо под подушку, повернулась на бок и тотчас заснула.

* * *

Проснулась она, когда уже было темно. Чувствуя, что дерет горло и ужасно хочет пить, девушка, натянув тапочки (Лера дала себе слово, что теперь будет *каждый раз* их надевать), отправилась на кухню. С жадностью выпив полную чашку теплого компота, она посмотрела на часы: было около половины третьего ночи.

Бабушка наверняка давно спит, а вот отец?

Лера заметила горевший в ванной и в кабинете, служившем отцу спальней, свет. Значит, он *еще* не спит...

Чувствуя, что пульс у нее учащается, девушка приняла решение: *сейчас или никогда!* Она должна откровенно поговорить с отцом. И хорошо, что сейчас глубокая ночь и бабушка, использовавшая затычки для ушей, ничего не услышит.

И пусть ей говорить нельзя, и пусть у нее ларингит. Ради того, чтобы узнать правду, она готова пожертвовать собственными голосовыми связками.

Потому что то, что она намеревалась обсудить с отцом, было *важнее*.

Вздохнув, Лера отправилась в кабинет к отцу, однако убедилась, что там никого нет. Судя по не смятой еще постели, он даже и не ложился.

Странно, *где же* он все это время был?

Лера заметила небрежно брошенный на стул пиджак отца. И почему у него рукав запачкан в темной краске? Наверное, где-то в школе запачкался...

Ее внимание привлекло что-то скомканное, лежавшее около дивана. Приблизившись, девушка подняла это – и вздрогнула. Потому что это был ярко-изумрудный женский шарфик, причем, как она автоматически поняла, точно такой же, какой она уже много раз видела у Лариски.

Шарфик был покрыт *свежими пятнами крови*.

И тут же поняла: пиджак отца был выпачкан не краской, а тоже кровью.

Выронив его из рук, Лера бросилась в коридор и подбежала к двери ванной. Та была не полностью закрыта, и она заметила отца, стоявшего у раковины и судорожно, с трясущимся лицом, мывшего руки под сильной струей воды.

Распахнув дверь ванной, Лера произнесла:

– Папа, я должна знать, что все это означает...

Ее взгляд упал на гору мыльной пены в раковине умывальника – она была красного цвета. Да и одежда отца, его брюки и рубашка с короткими рукавами, была залита кровью.

Да, не выпачкана, а именно что залита – как будто... Как будто в отца ударила струя крови.

Он что, *поранился*, с ним произошел *несчастный случай*?

Отец, испуганно дернувшись, уставился на Леру, и она прочитала в его глазах дикий страх. Нет, даже не страх, а животный ужас.

– Папа, откуда столько крови? – прошептала девушка, замерев на пороге и вдруг осознав: она не делает шага по направлению к отцу, потому что...

Потому что *боится*!

Лицо отца исказилось, он внезапно заплакал. Лера оторопело смотрела на него, не зная, что предпринять. *Разбудить бабушку*? Но та принимала на ночь снотворное, так что до утра ее не добудиться...

Пересилив себя и отогнав все страхи (это ведь был *ее пап-ка*, любимый и единственный!), Лера приблизилась к Михаилу Михайловичу – и наткнулась на груды полотенец, кото-

рые отчего-то лежали в ванне.

Первой мыслью было то, что бабушка, фанатка чистоты и порядка, за подобный бедлам отцу голову оторвет. А второй – о том, что все полотенца были запачканы кровью.

– Папа, ты поранился? Тебе нужна медицинская помощь? Вызвать «Скорую»?

Несмотря на то что Лера говорила шепотом, ей казалось, что она *кричит*. Не исключено, конечно, что в самом деле кричала, но воспринимала это как шепот.

Отец, вдруг резко прекративший плакать, произнес странным, таким чужим голосом:

– Лера, уходи! Уходи, пожалуйста!

Она и не подумала подчиниться его просьбе. Подойдя к отцу вплотную, девушка проронила:

– Папа, прошу тебя, скажи, что произошло? На тебя напали?

Она так хотела, нет, буквально жаждала, чтобы отец сообщил ей – да, на него напали бандиты. Или что с ним произошёл несчастный случай. Или что он на что-то напоролся или на него упал кирпич...

Все, что угодно, но только не то, мысль о чем занозой задела в голове Леры. Она старалась гнать ее от себя, но не могла.

Просто *не могла*.

– *Уходи!* – выдавил из себя отец и снова принялся плакать, а Лера в оторопи уставилась на его руки.

Руки-то были теперь чистые, а вот локти и грудь... Все было *в крови*.

Тот, кто нападает на девушек и убивает их, нанося множество ножевых ранений, *должен быть* с головы до ног покрыт кровью.

И ее отец, заявившийся, судя по всему, домой после двух часов ночи, *тоже* был покрыт с головы до ног кровью.

– Уйду, как только ты мне скажешь, что случилось! – настаивала на своем Лера, и отец вздохнул. А потом тихо произнес:

– Понимаешь... *Лора*... То есть я хотел сказать Лариса... Он смолк, молчала и Лера, не желая его торопить.

Наконец, отец продолжил:

– Она и я... Ну, это просто так получилось... Я знаю, что должен был давно сообщить тебе, но я не мог. Потому что она – твоя подруга. К тому же бабушка бы никогда не поняла и не приняла...

Лера продолжала молчать, давая отцу возможность выговориться. Хотя с того самого момента, когда увидела на шее Лариски золотой кулон с буквой «Л», поняла, что он изначально предназначался не ей, дочери, Лере, а...

А кому?

Ну да, выходило, что Лариске, то есть для отца *Лоре*, которая, и в этом не могло быть сомнений, была его любовницей. И, не исключено, в скором будущем должна была стать ее *мачехой*?

– Ты ее *любишь*? – произнесла Лера, чувствуя, что еле шевелит губами, отец вздрогнул.

Девушка повторила вопрос:

– Папа, скажи мне, ты ее любишь?

В ее голове не укладывалось, как отец мог любить кого-то кроме мамы. Но ведь мама уже была несколько лет мертва. А отец был живым человеком из плоти и крови.

Но почему его выбор пал на Лариску?

Михаил Михайлович ответил:

– Да, я люблю ее. Она меня – тоже. Оно само как-то нас накрыло, поверь, никто из нас к этому не стремился!

Ну, еще бы они к этому *стремились*!

– Ты подарил ей кулон? – продолжила Лера, и отец кивнул.

Ну что же, все ясно: подарок изначально предназначался Лариске, поэтому-то отец его так тщательно и спрятал.

Спрятал среди нижнего белья покойной жены, мамы Леры.

Тут взгляд Леры снова упал на груды окровавленных полотенец в ванне, и она поняла, что все время они вели речь о пустяках. И что задать главный вопрос она страшилась.

Отец же, перехватив ее взгляд, быстро сказал:

– Ты мне не поверишь, но все так и было!

– Что – *так и было*, папа? – прошептала Лера, вдруг чувствуя, что ее голос окончательно сел.

Отец, закрутив кран и отряхнув руки, повернулся к ней и

двинулся в сторону Леры. Та инстинктивно отступила.

– Лера, ты что, меня *боишься*? – произнес он в изумлении, и девушка внезапно поняла: да, она его боится.

Боится собственного отца, который среди ночи появился домой весь в крови и пытался от нее отмыться. Но безуспешно, потому что и его руки, и одежда все еще были в кровавых пятнах и разводах.

Да, она его *боялась*.

Замерев посреди ванной, отец скорбно произнес:

– Ты мне не поверишь, и правильно сделаешь. И никто мне не поверит... Но когда я пришел на наше свидание, там, у реки, то нашел ее уже... *такой!*

Чувствуя, что коленки у нее подгибаются, Лера еле слышно спросила:

– *Какой* такой, папа?

Отец, словно и не слыша ее (возможно, в самом деле не слышал), продолжал:

– Она была вся в крови. Но еще дышала. Я пытался помочь ей, реанимировать. Она даже мне улыбнулась. Хотя, может, я все это себе воображаю... Она умерла у меня на руках!

Лера закричала, хотя понимала, что кричать физически была не в состоянии:

– Кто *она*, папа?

Хотя уже знала на это ответ.

Отец двинулся на нее, и девушка, попятившись, налетела

на корзину с грязным бельем.

– Лера, ты должна мне поверить! Ты ведь моя дочь, ты меня знаешь! Прощу, не считай меня убийцей...

* * *

Лера вывалилась из ванной и ринулась к себе в комнату. И впервые в жизни была благодарна за то, что в комнате имелась щеколда, которую она до этого *никогда* не использовала.

Теперь же она дрожащими пальцами задвинула ее. Едва она это сделала, со стороны коридора кто-то, нет, *не кто-то*, а отец, более того, *ее* отец!) дернул ручку двери и произнес:

– Лера, открой, пожалуйста! Нам надо поговорить!

Вжавшись в стену, Лера знала, что никакая сила не заставит ее откинуть щеколду. Но ведь та была скорее декоративного характера, если из коридора налечь на дверь, то щеколда поддастся или даже отлетит.

А отец у нее был весьма массивным мужчиной.

– Лера, ну, прошу же, не веди себя как ребенок! *Открой немедленно дверь!*

Он повысил голос, прекрасно зная, что бабушка, принявшая снотворное и вставившая затычки в уши, их не услышит.

Ручка двери завертелась, а сама дверь заходила ходуном из-за того, что отец явно пытался ее высадить.

Ее отец, который никогда не повышал голоса и даже шлеп-

ка ей никогда не дал, не говоря уже об иных, более суровых методах воспитания?

Дверь буквально сотрясалась, а Лера в ужасе осматривалась вокруг себя, пытаясь понять, что же она сможет использовать в качестве защиты. Например, ночник?

Защиты от *собственного отца*.

Да, тот самый отец, который теперь пытался проникнуть к ней в комнату и заявился поздно ночью домой, весь залитый кровью.

Тот, кто напал на девушек в их городе и зверски их убивал, тоже должен был заявляться домой весь залитый кровью.

Столь же внезапно, как он начал атаку, отец вдруг прекратил ее. И своим повседневным, *учительским* голосом произнес:

– Валерия, я приказываю тебе открыть дверь! Нам надо серьезно поговорить. Ты слышишь – *серьезно!*

Тут взгляд девушки упал на телефон, о котором она совершенно забыла. Бесшумно подойдя к нему, она положила руку на трубку, а потом осторожно сняла ее.

В коридоре, на совмещенном аппарате, как обычно в таких случаях всегда и бывает, тихо тренькнуло.

Отец, бухнув кулаком в дверь, спросил:

– Ты что, куда-то звонишь? Не делай этого, Лера! *Не делай этого!*

В голове же у Леры билась одна мысль и один номер: «02».

Неужели она была готова позвонить в милицию и...

И сказать, что ее родной отец заявился домой весь в крови и угрожает ей, пытаясь ввалиться к ней в комнату? Рассказывая при этом какие-то небылицы, которым ни она сама не верила, ни милиция не поверит.

А что, если это были не небылицы, а *чистая правда*?

Палец Леры замер около нужных кнопок, и она не решилась никому позвонить, все раздумывая, что же предпринять.

И вдруг зуммер в телефонной трубке пропал.

Лера изумленно уставилась на аппарат, а потом вдруг поняла: наверняка отец отключил все аппараты, которые имелись в их квартире, от центральной телефонной розетки, которая находилась в коридоре.

Дверь комнаты снова дернулась, послышался голос отца:

– Валерия, не делай ничего, о чем бы нам всем пришлось бы потом горько пожалеть. Телефон я отключил, это тебе же во благо. Мне сейчас надо будет отлучиться, но я скоро вернусь. А потом я приготовлю нам чай, и мы на кухне поговорим. Это тебе понятно, дочка?

Лера, зажав в руке молчавшую трубку, ничего не отвечала.

Через несколько минут тихо хлопнула входная дверь, и Лера подошла к двери своей комнаты.

А что, если отец только сделал вид, что ушел, а на самом деле поджидает ее в коридоре?

Нет, ее отец никакой не монстр! И уж точно *не убийца!* Кто угодно, но только не ее папа!

Но многие из убийц, даже крайне отвратительных и кроважных, были чьими-то отцами. И наверняка их сыновья и *дочери* не хотели в этот факт поверить, считая их невиновными, оклеветанными, подставленными и оболганными.

Не зная, что и думать, Лера откинула щеколду. А потом, быстро выдернув из розетки ночник и зажав его в руке (какое-никакое, но все-таки *оружие!*), двинулась в коридор.

Но никого в коридоре не было. Как не было ни в кабинете отца, ни на кухне, ни в ванной. Он в самом деле куда-то ушел.

Лере бросилось в глаза, что груда окровавленных полотенец из ванны исчезла. А вот запачканный кровью пиджак отца все еще скомканным лежал на стуле.

Как и валялся около дивана окровавленный ярко-изумрудный женский шарфик.

Уставившись на него, девушка ощутила подкатывавшую к горлу тошноту.

Да, никаких сомнений быть не могло: *это шарфик Лариски.*

* * *

Она должна была что-то предпринять, но только вот что? Не обращаться же, в самом деле, в милицию? И кто вообще

мог ей помочь?

Решение пришло моментально, и Лера ринулась в свою комнату, схватив трубку телефона. Ну да, он же отключен отцом! Пришлось вернуться в коридор и вставить в телефонную розетку вилку.

Аппарат, запипикав, ожил.

То, что Толик не спал, Лера не сомневалась: он был «со-вой», гоняя от заката до рассвета на своем компьютере, который ему подарил дядька, *фазер Кирюхи*, какие-то жуткие стрелялки.

Лера набрала номер телефона Толика, и тот снял трубку на третьем же гудке.

– Ну, что такое? – произнес он, и Лера спросила:

– Доброе утро! У тебя все в порядке?

Вообще-то она никогда не звонила ему в три ночи, но в этот раз пришлось сделать исключение.

– У меня да. Знаешь, я на двенадцатый уровень впервые за все время только что дошел! Это так невероятно круто! Там надо было замочить целую армию зомбаков на заброшенной фабрике, а потом...

Не желая слушать ужасных подробностей компьютерной игры (ей *и в реальной жизни* хватало этих самых ужасных подробностей), Лера его перебила:

– А где живет твой Кирюха?

– А тебе зачем? – сразу же ошетинился Толик.

Не могла же она объяснять ему все, что произошло у нее

в квартире за последние полчаса!

— Ты мне можешь сказать, где он живет? Или хотя бы дать его номер... — настаивала на своем Лера, но принципиальный Толик заявил:

— Нет, не могу. И вообще, мне надо дальше играть. Давай завтра об этом поговорим. Ты что, решила его навестить в три ночи? Ну, ты даешь!

И, явно разозленный, повесил трубку.

Лера тотчас нажала кнопку повторного набора предыдущего номера, но услышала в трубке короткие гудки. Теперь до Толика было не дозвониться.

Что же ей делать?

Потому что, если ей кто-то и мог помочь, так это Кирилл, который и сам работал в городской прокуратуре, и отец которого, дядька Толика, занимал там важный пост.

Тут Леру осенило, и она попеняла себе за то, что не вспомнила об этом раньше. Ну, конечно же, Кирилл ведь при расставании дал ей свою визитку!

Только вот *где* она?

Лера принялась судорожно искать ее и перетряхнула весь сарафан, уверенная, что положила его в карман.

Только там визитки не было.

Она обнаружила ее на полу своей комнаты — видимо, незаметно выпала, когда она вчера переодевалась.

Подняв ее, Лера заметила длинный номер мобильного телефона — ну да, эта новомодная штукенция у Кирилла на-

верняка должна была иметься!

Только вот имела ли она право звонить ему в начале четвертого ночи?

Имела.

Она же не по пустякам его намеревалась беспокоить, а по крайне важному делу. По делу, которое касалось жизни и смерти.

Кирилл принял звонок тогда, когда Лера уже собиралась отключаться. Она услышала его низкий, столь очаровавший ее голос:

– Да, алло!

И девушка вдруг поняла, что элементарно не может говорить – голос окончательно пропал.

Она попыталась выдавить из себя хоть звук, но не смогла. И тогда Кирилл произнес:

– Лера, это вы? Я же вижу, что это ваш домашний номер...

Он *видит*? Ну да, ее номер высветился у него на мобильном, но выходило, что Кирилл *знал* ее домашний?

Только вот *как*?

Не исключено, что из Толика вытряс.

Собрав последние силы, Лера прохрипела:

– Мне нужна ваша помощь... Твоя помощь...

И замолчала, потому что не знала, что сказать дальше – да и говорить больше не могла.

Кирилл отреагировал мгновенно:

– Я подъеду к вам... то есть к тебе, минут через пятна-

дцать-двадцать, устроит?

До Леры донесся недовольный женский голос:

– Пупсик, к кому это ты подъедешь минут через пятнадцать-двадцать? А как же эротический массаж, который ты мне обещал сделать?

Кирилл только добавил:

– Уже еду.

И отключился.

* * *

Накинув сатиновый халат, Лера спустилась к подъезду, и вот в темноте сверкнули ослепившие ее фары. Потом они погасли, и Лера увидела крутую заграничную красную тачку, за рулем которой сидел Кирилл.

Приоткрыв дверь, он произнес:

– Мы можем проехаться, если хотите... Если *ты* хочешь. Ну, или тут постоим.

Лера, залезая на сиденье рядом с Кириллом, прошептала:

– Проедемся.

Кирилл плавно тронулся с места, и они покатали прочь от их двора. Лера не знала, как начать разговор и была благодарна молодому человеку, что он ее не торопил.

Наконец, она просипела:

– Я вас разбудила... Извините!

– Я не спал, – ответил Кирилл, управлявший автомоби-

лем одной рукой, и девушка вспомнила о его недовольной ночной спутнице, которой он обещал эротический массаж.

Ну да, с такой наверняка *глаз не сомкнешь*...

– У меня ларингит, – выдавила из себя Лера, и Кирилл, усмехнувшись, произнес:

– Я знаю.

Ну да, он *все* знал! И то, что у нее ларингит, и ее домашний номер, и ее домашний адрес – он ведь приехал, так и не спросив, *где* она живет.

– Спасибо за цветы. Они ведь от вас?

Кирилл подтвердил:

– От меня. И кстати, мы ведь теперь на *ты*? Или будешь настаивать на том, чтобы мы говорили друг другу *вы*?

Настаивать Лера не собиралась.

Они катили по ночному городу, и Лера знала, что должна наконец начать свой рассказ, ведь она в три ночи потревожила малознамого человека, оторвала его от важных дел...

Лера снова вспомнила о недовольном голосе ночной спутницы Кирилла и даже ощутила укол ревности.

Нет, *о чем* она думает!

Наконец, молодой человек произнес:

– Так тебе нужна моя помощь? Я помогу. Но мне надо знать, в чем дело.

Вздохнув и снова мысленно поблагодарив Кирилла за то, что он взял быка за рога, девушка наконец принялась сумбурно рассказывать (насколько она *вообще* могла это сделать

в ее состоянии) о том, чему только что стала свидетельницей.

Кирилл задавал умные, четкие вопросы, и Лера под конец их разговора (автомобиль, сделав круг, снова приблизился к ее дому) поняла, что у нее с плеч гора свалилась.

– Значит, так, – подвел итог Кирилл, – главное, не терять головы и не предпринимать никаких поступков, о которых позднее пришлось бы сожалеть. Я этим займусь, и к утру будет результат, это я тебе обещаю.

Лера прошептала:

– Только прошу, все неформально! Потому что не исключена вероятность ошибки. Это же мой отец...

Кирилл, повернувшись к ней, одарил девушку своей фирменной улыбкой:

– Ну, я же сказал, Лера, что никто ни о чем не узнает. И официально никого я информировать не буду. Да, ты права, не исключена вероятность ошибки, поэтому я все пробую по своим каналам.

Автомобиль остановился около дома девушки, но мотор Кирилл не выключил.

– Ты уверена, что возвращаться в квартиру при подобных обстоятельствах разумно?

Лера уверила его:

– Там же бабушка! Если она проснется и не обнаружит меня в комнате, то с ума сойдет от тревоги.

– Вопрос с твоей бабушкой мы можем быстро решить. Не думаю, что и ей имеет смысл оставаться в квартире...

Лера, чувствуя, что вот-вот разрыдается, прошептала:

– Но неужели ты думаешь, что мой отец... Что он...

Выдавить из себя это мерзкое слово «маньяк» было просто выше ее сил.

Рука Кирилла легла ей на плечо, и молодой человек произнес:

– Обещаю тебе, я это выясню. Однако рекомендую тебе поехать со мной. Будешь жить в отдельной квартире, мы туда и бабушку твою тоже перевезем...

Тепло от руки Кирилла, лежавшей у нее на плече, прожигало ее тело насквозь.

– Но это же мой папа! – повторила Лера, а Кирилл ответил:

– Ну, это *почти всегда* чей-то папа.

Лера заплакала, и тут произошло то, что она, вероятно, так ждала: Кирилл прижал ее к себе.

– Ну, не плачь. Да, тут много неясностей и вопросов, но сначала я выясню, имеется ли вообще новая жертва. И еще раз обещаю, что никто ни о чем не узнает, пока не будет уверенности в одном или в другом...

В том, что отец *невиновен* – или в том, что он *виновен*!

– Повторяю, считаю твое возвращение в квартиру неправильным. Предлагаю тебе поехать со мной...

Он разжал свои объятия, и Лера, чувствуя, что у нее кружится голова, была готова ответить согласием, но тут заметила фигуру, подошедшую к их подъезду.

Это был отец.

– Мне пора, – заявила она, но Кирилл взял ее за руку. И провел мизинцем по ее ладони, от чего Лера снова начала млеть.

– Нет, я не могу отпустить тебя одну. Это опасно, крайне опасно!

– Мой отец никакой не убийца! Он *не может* быть им! – сказала девушка, и Кирилл, взглянув на нее, произнес со вздохом:

– Ты права, твой отец никакой не убийца. Он *не может* быть им. Но все равно тебе надо подумать о безопасности...

Его мизинец продолжал щекотать ладонь Леры.

Понимая, что вот-вот поддастся его чарам, Лера вырвала руку и, открывая дверь автомобиля, сказала:

– Еще раз огромное спасибо! Я тебе обязательно утром позвоню. Ну, точнее, ведь *уже* утро...

Светало, одна из самых коротких ночей в году стремительно завершалась.

– Ну, или я тебе. Но будь предельно осторожна! Ни тебя, ни твою бабушку я, конечно же, не брошу. У тебя ведь мобильного нет?

Лера отрицательно качнула головой, и Кирилл сказал:

– Это поправимо. Но сначала вам надо выбраться из этой берлоги. Я все выясню и или заеду, или позвоню. Ты ведь мне доверяешь?

Лера, всхлипнув, кивнула, а Кирилл, наклонившись, неж-

но поцеловал ее в щеку. Она ощутила аромат его дорогого парфюма.

– Вот и хорошо. Я тебя не подведу. Запрись у себя в комнате и не разговаривай со своим отцом. Все будет хорошо!

Лере так не хотелось выходить из салона автомобиля Кирилла, но пришлось: из подъезда вышел один из соседей, который, зевая, вывел на прогулку своего четырехлапого любимца.

– До скорого! – произнес Кирилл и снова поцеловал девушку, на этот раз *в губы*.

* * *

Проводив Леру взором, молодой человек дождался, пока она не скроется в подъезде, завел автомобиль и, отъехав метров на двести от дома, снова остановился. Затем вытащил крошечный мобильный, нажал кнопку, и когда на обратном конце отозвался собеседник, произнес:

– Отец, это я. Думаю, с хорошими новостями. Точнее, просто *с отличными*. Это то, что тебе нужно. Я нашел ма-
няка...

* * *

Вставив ключ в замочную скважину, Лера затаила дыха-

ние – в этот момент дверь распахнулась, и она увидела на пороге отца.

Он уже переоделся, избавившись от окровавленной рубашки и брюк, и был облачен в фиолетовый фланелевый, *сшитый когда-то мамой*, халат, который вообще-то использовал только в холодное время года.

Буквально втащив оторопевшую Леру в коридор, он не терпящим возражений голосом произнес:

– Ты считаешь это нормальным? Ты *где* была?

И запер на два поворота за ней входную дверь.

Лера, не узнавая отца, от которого, как ей показалось, разило спиртным, хотя он практически никогда не выпивал и уж точно никогда не напивался, прошептала в ответ:

– Мне нужно было подышать свежим воздухом. Но, папа, лучше ты скажи: где был *ты*?

Отец, уставившись на нее стеклянным взглядом, отчеканил:

– И почему это я должен говорить тебе? Ну, живо в свою комнату! Ты болеешь, а шастаешь по улицам в пижаме и халате! Стыд и срам!

Отец вел себя как типичный рассерженный родитель, и это при том, что он сам заявился домой весь залитый кровью.

– Папа, нам надо поговорить! Точнее, мы уже начали разговор, но ты потом... *сбежал*. Кстати, что ты сделал с полотенцами?

Реакция отца была потрясающая:

– С какими полотенцами, Лера?

Девушка, протиснувшись мимо него, заглянула в комнату отца – и заметила, что ни окровавленного пиджака, ни шарфика там уже не было.

– Папа, что ты сделал с вещами? – продолжала девушка, а отец, словно играя роль в пьесе театра абсурда, ответил:

– Не понимаю, что ты имеешь в виду. *С какими такими вещами?*

На мгновение Лера вдруг подумала, что все это могло оказаться дурным сном и плодом ее воображения, но тут она заметила плохо затертые кровавые разводы на полу в ванной и стоявшее рядом ведро и свешивавшуюся из него тряпку.

Отец спешно затирав все следы.

– Ты все уничтожил? – произнесла Лера, а Михаил Михайлович, указывая на дверь ее комнаты, заявил:

– Марш в кровать! Ты больна, и сама не знаешь, что несешь. И вообще, я твой отец, как ты ведешь себя со мной? Запрещаю тебе выходить из квартиры, пока полностью не выздоровеешь!

Человек, который дышал ей в лицо алкогольными парами, был так не похож на ее отца. Это был совершенно чужой субъект.

А что, если она и не знала своего отца все это время? Что, если...

Если он в самом деле имел отношение ко всем этим убийствам?

– Папа, я хочу знать. *Я имею право* знать! Ты... Ты...

Она не знала, как сформулировать вопрос, а отец, на чьем лице отразился страх, заявил:

– И никаких вопросов! Марш в кровать, я сказал!

Он буквально втолкнул ее в комнату, а когда дверь за ней закрылась, Лера прошептала:

– Папа, ты ли это? Ты же обещал, что мы поговорим! О Лариске... И о *другом*... О том, что я видела...

Отец из коридора ответил:

– Тут не о чем говорить. Я сделал ошибку, но я ее уже исправил. И больше говорить не о чем. И запомни – ты ничего не видела. *Ничего!*

Убедившись, что отец снова отключил телефон, Лера улеглась в кровать и накрылась с головой простыней. Нет, отца она не боялась, потому что знала, что ни бабушке, ни ей самой он ничего дурного не сделает.

Она боялась того, что отец, не исключено, причинил дурное *другим* людям.

Усталость, а также перенапряжение и болезнь сделали свое дело, и Лера провалилась в глубокий черный сон.

* * *

В себя она пришла от громких голосов в коридоре. Не понимая, что происходит, Лера уставилась на дверь своей комнаты, которая вдруг распахнулась, и на пороге возникло сразу несколько человек в форме.

– Прощу вас подняться! – донеслось до Леры. – У нас ордер на обыск вашей квартиры. Давайте, не залеживайтесь! Ну же, побыстрее!

Все остальное, что происходило после появления людей в форме, сопровождаемых соседями с нижнего этажа, которые выступали в качестве понятых, походило на подлинный кошмар. Бабушка, обычно такая собранная и боевая, вдруг как-то растерялась, а когда из-под ванны извлекли скомканное кровавое полотенце, вдруг начала медленно оседать.

Пришлось вызвать «Скорую», которая забрала бабушку с собой, диагностировав гипертонический криз. Лера, у которой голова шла кругом и которая могла говорить только шепотом, да и то испытывая сильные боли в горле, была на грани истерики, не зная, что делать.

Отца дома не было, хотя с обыском к ним заявили около семи утра.

Поехать с бабушкой в больницу ей не разрешили, поэтому, сидя на табуретке в коридоре, девушка, перед глазами которой все плыло, была вынуждена наблюдать за тем, как их квартиру переворачивают вверх дном.

При обыске обнаружили и окровавленный шарфик, и пиджак отца, которые были спрятаны под кроватью в родительской спальне.

Единственная мысль, которая билась в голове у Леры, была *«Где же отец?»*.

Те, кто проводил обыск, или, может быть, другие, что при-

шли позднее, наперебой задавали ей этот вопрос, однако ответа на него у Леры не было.

Она не знала, куда делся отец.

Обыск уже подходил к завершению, когда на пороге квартиры, с большой сумкой в руках, вдруг возник Михаил Михайлович.

– Что тут происходит? – произнес он надменно. – И вообще, по какому такому праву...

Его вытолкнули, заломили руки, кто-то вырвал у него из рук сумку. Лера закричала, и возникшая около нее единственная женщина в форме с рыжим перманентом на голове резко осадил ее:

– Не орите. Наконец-то его взяли, мерзавца чертового! На его совести четыре убийства!

Лера потеряла сознание.

* * *

В себя она пришла на софе в зале. Большая часть чужих людей, прихватив все, что требовалось, а также уведя с собой отца, удалилась, а те, что еще копошились в ее квартире, явно завершали свои дела.

Наконец, ушли и они, оставив Лере какие-то официальные бумаги и что-то строго наказав, что она не только не запомнила, но и вообще сквозь туман, который окружал ее, толком не расслышала.

Некоторое время, не исключено даже, что целый час, она просто лежала на софе и смотрела в потолок, наблюдая за тем, как врывавшийся через раскрытое окно ветер, пузыря васьковую занавеску, подбрасывал ее к люстре.

Надо бы встать, закрыть окно, но сил не было... Но ведь надо.

Наконец, она попыталась подняться, но поняла, что не может сделать это. Лера заплакала.

Послышался шум в коридоре, Лера вдруг воспряла к жизни. Ну, конечно, Кирилл же обещал или позвонить, или захватить. Он ей обязательно поможет!

Но это был не Кирилл, а Толик. Наверное, на ее лице отразилась вся гамма чувств, в первую очередь разочарование, потому что Толик, опускаясь около софы, произнес:

– Что у вас тут творится? И почему ты так на меня смотришь, как будто привидение увидела ...

Лера закрыла глаза. Кого-кого, а Толика она точно не хотела сейчас видеть. Нет, он был совсем даже не плохой, вероятно даже, *очень хороший*, но ей требовался Кирилл.

Толик что-то бубнил, но Лера не прислушивалась к нему, желая одного: чтобы он как можно быстрее оставил ее в покое.

– Тебе помощь нужна? – донесся до нее наконец его вопрос, и девушка выдавила из себя:

– *Нет!*

Потоптавшись, Толик неуклюже ткнулся ей в щеку, явно

желая поцеловать, но в итоге угодил в ухо. Лера на него зашипела, а потом заплакала.

Толик попытался обнять ее, но Лера оттолкнула его от себя.

– Уходи! – прохрипела она, как будто в Толике было дело. Хотя прекрасно понимала, что отнюдь не в нем. А в ней самой. В ее отце.

И в Кирилле.

– Но Лерусик, тебе нужна помощь, я же не могу тебя в таком беспомощном положении бросить... Я как только услышал, что твоего фазера арестовали, потому что он маньяк...

Ее отец – маньяк?

Ну да, ее отец, судя по всему, маньяк. Она же собственными глазами видела окровавленную одежду и то, как папа пытался избавиться от нее.

– Мой отец никакой не маньяк! – выдала из последних сил Лера.

И внезапно поняла: ну да, так и есть, никакой он, конечно же, не маньяк. И как она могла вообще подобное подумать о своем папе! *Самом лучшем папе на всем белом свете!*

Для всего имелось логическое объяснение. И милиция разберется и отпустит его. А если не милиция, то прокуратура.

Отец Кирилла, который там был важной шишкой, поможет. Да и сам Кирилл тоже.

А что мог сделать этот дурачок Толик?

– Нет, Лерусик, я понимаю, это никому приятно не будет. Если бы мой предок оказался маньяком, я бы тоже был не в восторге. Но я тебя не брошу, я тебе помогу, я все время буду с тобой, я подставлю тебе свое крепкое плечо в минуту душевной невзгоды...

Лера принялась хохотать, хотя, с учетом ларингита, это больше походило на сухой собачий лай. Толик подставит ей свое крепкое плечо в минуту душевной невзгоды?

Свое *костлявое* плечо?

Вот кто и мог подставить свое крепкое плечо, и уже сделал это, так это его двоюродный брат Кирилл.

Только вот *где* же он? И почему *до сих пор* не объявлялся?

Ее приступ смеха, перешедший в приступ кашля, жутко обидел Толика, который, раскрасневшись, заявил:

– Ну, смотри, ты думаешь, с *семьями маньяков* многие хотят общаться? А я вот хочу, потому что ты мне дорога! Потому что я тебя люблю, Лерусик!

Приступ кашля Леры усилился, и она чувствовала, что задохнется. Она только замахала рукой на Толика, мол, уходи.

И тот, разозленный и явно оскорбленный, вылетел прочь.

Лера заставила себя подняться и отправилась на кухню, где жадно припала к банке с компотом. А затем выплюнула его – он, простояв в тепле все это время, прокис.

Пришлось пить из чайника, прямо из носика, чего бабушка никогда бы не одобрила.

Но бабушка была в больнице с гипертоническим кризом,

а отца арестовали по подозрению к деяниям городского маньяка.

Не по подозрению, а так как считали, что *он и есть* этот самый городской маньяк.

И как она могла думать об отце подобное? Словно пелена спала у нее с глаз, точнее, с ее сознания. Маньяком мог быть кто угодно, *только не папа*.

И уж точно не папа!

Но ей требовалась поддержка, и Лера попыталась дозвониться по мобильному до Кирилла. «Абонент временно недоступен».

Ну, где же он?

В коридоре снова слышался шум, и Лера, уверенная, что это приехал Кирилл, бросилась туда.

Но это был не Кирилл, а три человека с блокнотами и фотоаппаратами.

Заметив девушку, они ринулись на нее, как коршуны на кролика.

– Вы ведь дочь маньяка? Скажите, каково это осознавать, что ваш отец убивал ваших сверстниц? Вы были в курсе? Что вы можете сказать о его психике – он сидел в сумасшедшем доме? Правда ли, что это он убил свою жену, вашу мать?

Град мерзких вопросов обрушился на неподготовленную Леру, и она, растерявшись, попыталась внести ясность, приняв правила игры, в которой она изначально могла оказаться только в проигрыше.

– Что за чушь! Никакой мой отец не маньяк! Это страшное недоразумение. И моя мама погибла в результате трагического несчастного случая. Ее сбила машина, и водителя так и не нашли. И вообще, у моего отца нет ни машины, ни даже водительских прав. И в сумасшедшем доме он не сидел, но после трагедии, связанной со смертью мамы, находился несколько недель в специализированном санатории...

– Расскажите подробности о вашем отце-маньяке! Он применял к вам физическую силу? Наверняка ведь и сексуальную тоже? Как долго он вас истязал?

Метнувшись на кухню и сорвав с крючка над плитой массивную чугунную сковородку, в которой бабушка пекла оладьи, Лера бросилась на бесстыжих репортеров, которых как ветром сдуло, стоило ей пригрозить им скорой расправой.

Захлопнув за ними дверь, Лера убедилась, что закрыть ее не может, потому что замок был с мясом вырван, прислонилась к ней спиной и, выпустив из руки сковородку, заплакала.

Точнее, попыталась заплакать, но у нее ничего не вышло – слезы элементарно не текли.

В дверь с обратной стороны кто-то постучал, и Лера, подхватив сковородку, распахнула ее, намереваясь ударить ею промеж глаз нахальных представителей местной желтой прессы.

На пороге перед ней стоял Кирилл.

Тут слезы снова полились ручьем, и Лера, упав ему на шею, захлеб заревела.

Кирилл, осторожно забрав у нее сковородку, подхватил девушку на руки и отнес в зал, где уложил на софу, закрыл распахнутое окно и уgomонил наконец бесноватую занавеску.

Усевшись на софу рядом с ней, Кирилл произнес:

– Тебе здесь оставаться нельзя. Замок при обыске сломали, но я позабочусь, чтобы вставили новый. Квартиру вашу опечатывать не будут, это я через отца добился. Но все равно тебе здесь делать нечего.

– Почему? – спросила Лера, чувствуя невероятную благодарность к этому красавцу, который уже так много сделал для нее, и Кирилл вздохнул, вместо этого ответив:

– Думаю, ты еще не слышала, но нашли четвертую жертву. Она была убита прошлой ночью. Как и три предыдущие, около реки, не меньше двух десятков ножевых ранений...

Лера, перед глазами которой возник ярко-изумрудный окровавленный шарфик Лариски, безразлично прошептала:

– Это ведь Лариса, ведь так?

Кирилл, внимательно посмотрев на нее, произнес:

– Да, это Лариса Пыпина, твоя одноклассница. И, как выясняется, *любовница твоего отца.*

Лера закрыла глаза, понимая, что Кирилл прав. Но потом вдруг распахнула их и просипела:

– Но откуда они узнали... ну, я имею в виду, что она любовница? Они ведь не могли так быстро?

Кирилл, взяв ее ладонь в свою руку и нежно водя по ней мизинцем, произнес:

– Тебе сейчас не надо об этом думать.

Лера же продолжала настаивать:

– И этот обыск у нас в семь утра... Откуда они вообще в курсе? Ведь для обыска требуется чья-то санкция? И как это кто-то мог ее дать?

Кирилл, склонившись над Лерой, поцеловал ее в лоб.

– Я обещаю, что сделаю все, что могу. Но тебе теперь надо подумать о бабушке. Извини, но отцом пока занимаются следственные органы, ты ничего поделать не сможешь. А у бабушки твоей инфаркт миокарда. Я уже был в больнице и поговорил с заведующим отделением. Он хороший друг моего отца. Он лично будет курировать ее.

Лера порывисто обняла Кирилла и сама поцеловала его в губы.

* * *

То, что последовало за этим, было феерически, волшебным – и никак не вязалось с нерадостными событиями последних часов. Но, наверное, это было именно то, что и требовалось

Лере – и Кириллу тоже.

Это был первый секс Леры, и ее первым мужчиной стал Кирилл.

* * *

Когда все завершилось и Лера, все еще млея и до конца не осознавая, что только что произошло, продолжала лежать на софе, молодой человек, одеваясь, произнес:

– Думаю, тебе здесь оставаться не стоит. Более того, я не хочу, чтобы ты тут оставалась!

Лера, блаженно наблюдая за ним и благодарная Кириллу за то, что хотя бы на полчаса забыла о кошмаре, в котором вдруг оказалась, вспомнила вдруг об этом ужасе – ведь он тут и *никуда* не делся.

Никуда.

Странно, но даже с горлом полегчало, причем значительно – неужели целебное воздействие сеанса любви?

– Но мне некуда больше идти...

Обуваясь, Кирилл сказал:

– Как понимаю, близких родственников у тебя в городе нет?

Лера отрицательно качнула головой, и молодой человек, уже полностью одетый, бросил взгляд на свой мобильный.

– Извини, но мне пора. Ты же поедешь со мной. У нас имеется небольшая дачка, там ты сможешь переждать несколько

дней, прийти в себя и, главное, избежать участи стать добычей журналюг. Они же поджидают тебя у подъезда...

Лера, понимая, что от реальности никуда не деться, ответила:

– Но мне не хочется тебя стеснять...

Кирилл, склонившись над ней, нежно ее поцеловал и сказал:

– Глупости! Значит, так, давай я помогу тебе собраться. А выйти надо будет через черный ход, потому что иначе журналюги тебе проходу не дадут. Еще бы, дочка маньяка...

Лера заплакала.

Кирилл, усевшись на софу рядом с ней, прижал девушку к себе.

– Никакой мой папа *не* маньяк! – прошептала сквозь слезы Лера.

– Знаю, – ответил прерывисто молодой человек, – но пока что его арестовали. Но мы что-то придумаем!

Подняв залитое слезами лицо, Лера посмотрела на Кирилла и робко спросила:

– Точно придумаем?

Снова поцеловав ее, тот ответил:

– Я тебе это *обещаю!*

* * *

Свой красный автомобиль Кирилл подогнал прямо к чер-

ному входу – и Лера, быстро собрав самое необходимое и запихнув это в сумку, с которой обычной ходила на пляж, причем делала это в сопровождении Лариски, напялив большую шляпу и солнцезащитные очки, прошмыгнула прямо из двери в салон авто, буквально упав на кожаное сиденье.

Кирилл тотчас рванул с места, и Лера обернулась, бросив взгляд на дом, в котором жила с бабушкой и отцом.

Неужели как раньше уже никогда больше не будет?

– А мы можем заехать к бабушке в больницу? – спросила она жалобно, а Кирилл, игнорируя трель своего мобильного, ответил:

– Заедем, но не сейчас, потому что, поверь мне, журналюги и там окопались. А вот ночью их там не будет. Я поговорю с заведующим отделением, для тебя он сделает исключение!

Лера, чувствуя, что начинает успокаиваться, спросила:

– Но ведь мой папа не маньяк? Скажи, ты в это веришь? Ответь, пожалуйста!

Ей было так важно, чтобы Кирилл, которого, как Лера вдруг поняла, она любила (причем, вероятнее всего, влюбилась в него в тот самый момент, когда впервые увидела), был на ее стороне.

Потому что, судя по всему, никого больше на ее стороне не было. Ах, ну да, *Толик*. И Лариска?

И тут Лера в полной мере осознала, что Лариски уже нет в живых. Что она зверски убита прошлой ночью маньяком. И что ее отца, подозревая в том, что он и есть этот самый

маньяк, арестовали всего пару часов назад.

Она снова заплакала.

Кирилл, не останавливаясь и ничего не говоря, гнал дальше, и скоро они, покинув городские улицы, выехали за город.

Слезы лились долго, однако настал момент, когда они высохли. Лера смирилась с неизбежным.

Кирилл, посмотрев на нее, сказал:

– Ты задала мне вопрос, и я хочу дать тебе ответ. Дело, увы, не в том, во что веришь ты или во что верю я. И даже не в том, во что верят все жители нашего города и его окрестностей. А в уликах! А они, поверь мне, более чем весомые.

– Папе их подсунули! – заявила девушка и смолкла, вспомнив, что собственными глазами видела залитые кровью вещи отца и то, как он старательно смывал с себя следы в их ванне, и груды грязных полотенец, которые отец куда-то унес.

Они въехали в дачный поселок, замелькали высотные дома за заборами, и Кирилл, проехав еще немного, затормозил около одного из них. Открыв при помощи дистанционного пульта железные ворота, он зарулил во внутренний дворик, и Лера увидела трехэтажное импозантное здание из светлого кирпича с зеленой крышей.

– Мы на месте, – сказал молодой человек и заглушил мотор.

Ворота за их спиной тем временем с легким клацаньем закрылись.

Посмотрев на Леру, он произнес:

– Ты в самом деле думаешь, что твоему отцу их подсунули?

Лера, опустив глаза, ничего не отвечала.

Она знала, что это не так. Отцу их не подсунули. Выходит, что он причастен к смерти Лариски?

И трех других девушек?

– Но он сказал, что нашел ее уже мертвой! – запальчиво произнесла она. – А раз сказал, значит, так и было!

Это *должно* было быть так, просто *должно*.

Иначе бы это означало одно: ее отец действительно был серийным убийцей.

Вздохнув, Кирилл распахнул дверь и сказал:

– Давай я покажу тебе дом.

* * *

«Небольшая дачка» оказалась подлинным *небольшим помещением*, и в иные времена Лера с большим любопытством осмотрела бы все эти дорого, но со вкусом обставленные комнаты, задала бы кучу вопросов, восторгалась бы затейливыми обоями и шикарной техникой.

Но только не в этот раз.

Кирилл проводил ее по большой деревянной лестнице на третий этаж, распахнул одну из дверей, и девушка заметила большую уютную комнату в светло-желтых тонах, окна ко-

торой выходили на цветущий сад.

– Вот здесь и будешь жить. Уверяю тебя, сюда никто не приедет, никто досаждать тебе не станет. Вот кровать, вот шкаф, здесь ванная комната...

Он открыл смежную дверь, и Лера заметила гигантскую ванную – или это *джакузи*?

Поставив ее сумку на застеленный ковром паркетный пол, Кирилл сказал:

– Понимаешь, могу только произнести сакраментальную фразу: *следствие разберется!* С учетом такого количества улик твоего отца не могли не арестовать.

Лера же, опустившись в изящное кресло и сбрасывая бо-соножки, задала вопрос, который уже приходил ей в голову:

– Но откуда они *вообще* узнали, что у отца имеются эти самые улики? За ним что, *сидели*?

Опустившись перед ней на колени, Кирилл взял руки Леры в свои, и она ощутила, как он защекотал мизинцем внутреннюю сторону.

– Тебе не стоит волноваться. Говорю же, что следствие разберется. Я обещаю тебе, что помогу, чем могу. Конечно, я ведь мелкая сошка, только начал свою карьеру в прокуратуре. Но мой отец обладает определенным влиянием...

И он поцеловал ее: нежно, но требовательно.

* * *

Любовью они занялись на большой, застеленной разноцветным бельем кровати – на этот раз долго, умопомрачительно долго, и отрешившись ото всех проблем.

Когда все завершилось и Лера отправилась в ванную комнату, то, не разобравшись со всеми этими сверкающими шлангами и хромовыми кнопками, позвала к себе Кирилла.

И они снова занялись любовью, на этот раз в ванне, которая в самом деле оказалась джакузи.

А затем, чувствуя, что ей вдруг сделалось удивительно хорошо (с учетом всего того, что обрушилось на их семью за последние часы) и что горло почти уже не болит (неужели повлияло три сеанса любви с Кириллом?), Лера заявила:

– А перекусить у вас что-нибудь найдется?

Нашлось.

* * *

Огромный красный холодильник на первом этаже, стоявший на идеальной, словно из каталога, кухне, был под завязку забит разнообразной снедью – отыскиались даже черная икра и шампанское.

Наблюдая за тем, как Кирилл сноровисто режет овощи и

жарит мясо, Лера вдруг ощутила укол ревности. А та особа, которая требовала от него эротического массажа, тоже где-то тут ночевала?

Скоро очень поздний завтрак был подан, и Лера с жадностью набросилась на столь аппетитные антрекоты и овощное рагу.

И никаких мыслей о *здоровом питании!*

Кирилл, в который раз посмотрев на свой мобильный, сказал:

– Извини, но мне пора обратно в город. Тут ты можешь оставаться столько, сколько захочешь.

– Хоть *навсегда*? – иронично спросила Лера, зная, что навсегда здесь не останется, хотя этого так хотелось: этот дом походил на сказочную крепость, которая ограждала ее от всех бед, невзгод и тягостей реального, простиравшегося за забором, мира.

– Хоть навсегда, – подтвердил Кирилл. – Телефон здесь есть, доступ к Интернету тоже. Ты ведь умеешь пользоваться Интернетом?

Лера, компьютера у которой не было, отрицательно качнула головой, а Кирилл спросил:

– Добавки хочешь?

Конечно же, она *хотела!*

– Вечером я заеду за тобой, и мы отправимся в больницу, чтобы навестить твою бабушку. Ну, и заодно привезу свежую информацию.

Информацию? Лера вдруг едва не подавилась, потому что вспомнила: ну да, пока она тут наслаждается сладкой буржуазной жизнью, причем на *чужой* даче, отец сидит под следствием, бабушка в больнице, а Лариска...

Ее лучшая подруга Лариска наверняка находилась на столе судмедэксперта.

Лера снова заплакала.

Кирилл привлек ее к себе, осыпал поцелуями и сказал:

– Ну, понимаю, тебе тяжело, но это всего лишь такая полоса в жизни. *Черная*.

– *Очень-очень-очень* черная! – возразила Лера, ощущая, что в крепких объятиях Кирилла ей так спокойно и надежно.

Вот бы это длилось *вечно!*

– Наверное, да. Но ведь за черной, даже пусть *очень-очень-очень* черной полосой, непременно последует и белая. И не исключено *очень-очень-очень* белая.

Понимая, что Кирилл прав, вернее, изо всех сил надеясь на это, Лера обняла молодого человека, не желая его отпустить от себя.

Он ей был так нужен.

– А ты когда приедешь? – произнесла она и закашлялась.

Кирилл, осторожно высвободившись из ее объятий, взял лежавший на столе и снова завибрировавший мобильный и произнес:

– Как только смогу. Кстати, ты лекарства свои принимаешь?

Лекарств Лера не прихватила, и Кирилл, хмурясь, устроил ей подлинный допрос, узнав, что она принимает и что ему надо для нее купить.

— Ну, а теперь мне точно пора, потому что мне надо когда-то и работать. А тебе лучше всего отдохнуть!

* * *

Он уехал, а Лера, вымыв посуду (хотя на кухне имелась сверкавшая новизной посудомоечная машина, пользоваться которой она, однако, не рискнула), вышла в сад. Цвели вишни и яблони, все вокруг походило на декорации к романтическому фильму.

Только вот сама она жила в *фильме ужасов*. Или в остро-сюжетном триллере, в котором против своей воли ей выпала участь играть главную роль.

Но *почему?*

То ли от солнца, то ли от бокала розового вина, который она выпила за *очень* поздним завтраком (или *ранним* обедом?), то ли от усталости и стресса, то ли от всего вместе ее развезло, и Лера, чувствуя, что еле волочит ноги, вернулась в дом, с большим трудом забрела на третий этаж и, плюхнувшись на кровать в своей комнате, моментально погрузилась в небытие.

Открыв глаза, она увидела сидевшего в кресле Кирилла, который писал кому-то эсэмэску. *Неужели она все еще спит*

и видит чудный сон?

Подняв голову, Кирилл произнес:

– Добрый вечер, соня! Ну ты и даешь! Я приехал уже около часа назад и решил тебе не мешать, думал, что ты вот-вот проснешься, а ты без задних ног дрыхнешь...

– А который час? – спросила Лера, потягиваясь, и тут ее взор упал на изящные малахитовые часы на каминной доске.

Уже был вечер. Она что, просто так проспала *весь день*?

Усмехнувшись, Кирилл заметил:

– Ну, я уже и отработать успел, и с нужными людьми поговорить, и даже в больницу, где твоя бабушка лежит, заехал, и в аптеку, и в супермаркет, и сюда вернулся. А ты все спишь!

Быстро поднявшись с кровати, Лера заявила:

– И... и как *все*?

Сформулировала вопрос она коряво, однако Кирилл понял, что она имеет в виду.

Вставая, он сказал:

– Хочешь перекусить перед поездкой?

– Я хочу увидеть бабушку!

* * *

Бабушку она увидела, потому что их в городской больнице принял сам заведующий отделением, импозантный седой мужчина, который сразу расположил к себе Леру. Не злоупотребляя ненужными медицинскими терминами, он объ-

ясним Лере, что у бабушки был диагностирован обширный инфаркт, что ситуация критическая, однако с позитивной динамикой.

Кирилл же, во время разговора не проронивший ни слова, а все возившийся со своим мобильным, ответил:

– У доктора твоя бабушка в надежных руках!

Зайти в отдельную палату, в которой лежала бабушка, можно было только на пять минут, и Лера, присев на стул рядом с кроватью, на которой та лежала, погладила пожилую женщину по руке.

Находясь под капельницей и присоединенная к мерно сверкавшим приборам, бабушка спала. Доктор говорил что-то об искусственной коме, но это все только к лучшему.

Поцеловав бабушку и поправив подушку, Лера вышла, чувствуя, что на глазах у нее наворачиваются слезы.

– А она точно справится? – спросила девушка, и заведующий отделением ответил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.